

9/с. 24/1

ш 35

М. К. Швецовъ.

Р 32078

Изъ прошлаго.

Историко-литературные
очерки.

Вологда.
Типографъ А. А. Галкина
1913 г.

JK 1

2000

Глубокоуважаемому
Николаю Семеновичу
М. М. Швецовъ. Полянскому

отъ сотрудника

20/VI 1913. М. Швецъ.

Изъ прошлаго.

Историко-литературные
очерки.

Вологда.
Типографія А. А. Галкина.
1913 г.

32078

9(c 124)1

45

W-35

Изъ прошлаго.

Осенью 1901 года въ издававшемся покойнымъ Э. Г. Фалькомъ въ Ярославлѣ «Сѣверномъ Краѣ» я напечаталъ по просьбѣ редактора небольшой фельетонъ, посвященный исторіи зарожденія и тихой безболѣзненной кончины въ г. Вологдѣ первой ежедневной общественно-политической и литературной газеты въ видѣ неофициальной части мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» 1899 и 1900 годовъ.

Въ столичной печати встрѣчались указанія на названную статью («Неудавшаяся попытка») и между прочимъ въ «Вѣстникѣ Европы» была сочувственно подчеркнута основательность мотивовъ, приведенныхъ мною для объясненія не только бесплодности въ смыслѣ общественныхъ интересовъ, но даже извѣстнаго вреда подобнаго рода изданій. Любопытно, что аналогичный взглядъ высказалъ въ бесѣдѣ со мной (по поводу доклада о реорганизациіи губернской типографіи) тогдашній вологодскій губернаторъ Л. М. Князевъ. Къ сожалѣнію, «времена не только мѣняются», но и явно «идутъ назадъ». Развѣ

не въ глазахъ нашихъ то и дѣло предпринимались въ цѣляхъ политическаго маскарада эфемерныя изданія, летѣвшія кувыркомъ по минованіи надобности въ ихъ услугахъ, оставляя въ бюджетахъ типографій солидную задолженность, а въ памяти добродушныхъ гражданъ воспоминаніе о забавной нелѣпости уже самыхъ своихъ названій?*) Впрочемъ, *nomina sunt odiosa*.

Упомянутый выше фельетонъ, вѣроятно, забылся тѣми немногими вологжанами, которые его читали, да и вообще носилъ характеръ случайной и бѣслѣй замѣтки, далеко не исчерпывая предмета. Въ предлагаемыхъ очеркахъ я имѣю въ виду коснуться не только попытокъ основанія въ Вологдѣ періодическаго органа печати, но по возможности всего обширнаго и интереснаго матеріала, относящагося къ культурѣ нашего края въ надеждѣ, что такая сводка будетъ не бесполезной для будущаго историка сѣвера.

I.

«Вологодскія Губернскія Вѣдомости» были основаны въ 1838 году забытымъ теперь поэтомъ В. И. С о к о л о в с к и м ъ, личность котораго достаточно интересна, чтобы остановить на ней вниманіе читателя.

*) Что напримѣръ обозначаетъ названіе органа «Сѣверное Время»?

Владимиръ Игнатьевичъ Соколовскій родился въ 1813 году*),—насколько позволяетъ судить заглавіе его рассказовъ,—въ Сибири. Біографическія дѣянія перваго періода его жизни крайне скудны. Извѣстно, что онъ учился въ Московскомъ университетѣ въ одно время съ Бѣлинскимъ и Лермонтовымъ и, окончивъ въ 1834 году курсъ, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ рассчитывалъ, повидимому, поступить на службу. Литературная дѣятельность его началась очень рано. Уже семнадцати лѣтъ онъ напечаталъ въ «Галатѣ» Раяча небольшое стихотвореніе, а черезъ два года выпустилъ въ свѣтъ свою первую и лучшую поэму «Мірозданіе». Произведеніе это, написанное мѣстами сильнымъ и образнымъ языкомъ, было встрѣчено похвалами неизмѣннаго пѣстуна начинающихъ талантовъ—Жуковского и выдержало два изданія (последнее въ 1867 году).

Въ Петербургѣ Соколовскій познакомился со многими выдающимися литературными дѣятелями и особенно близко сошелся съ извѣстнымъ Панаевымъ. Последний напечаталъ о немъ въ послѣдствіи любопытныя воспоминанія («Современ-

*) Такимъ образомъ въ текущемъ году исполняется столѣтіе со дня рожденія поэта. Приведенная мною въ «Литературныхъ очеркахъ» («Вологодская Жизнь», изд. Л. Теплицкаго) дата (1808 г.) оказалась не вѣрна.

никъ». 1861. № 1). Помѣстивъ въ различныхъ изданіяхъ нѣсколько стихотвореній, поощряемый новыми друзьями, Соколовскій строилъ самыя широкіе планы. Но его уже стерегла неожиданная катастрофа.

Съ безпечною молодости незадолго до отъѣзда изъ Москвы поэтъ распространялъ между своими пріятелями по университету хоровую политическую пѣсню, быстро сдѣлавшуюся популярной. Тогдашнее правительство смотрѣло на подобныя увлеченія молодежи очень строго; около того же времени поэтъ Деларю былъ подвергнутъ преслѣдованію и исключенъ со службы за переводъ и напечатаніе довольна невиннаго по нашимъ понятіямъ стихотворенія Виктора Гюго. Судьба несчастнаго Полежаева хорошо всѣмъ извѣстна. Лѣтомъ 1834 года Соколовскій былъ внезапно арестованъ, привезенъ въ Москву, подвергнутъ строгому допросу, а по окончаніи слѣдствія посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и пробылъ около года. Всѣ эти событія весьма неблагоприятно отозвались на впечатлительномъ и крайне слабохарактерномъ поэтѣ. Онъ пересталъ серьезно работать, предавался разсѣянной жизни и началъ пить. Это въ свою очередь отразилось, конечно, на его творчествѣ, что еще болѣе удручало душевное состояніе поэта.

Прояскавши нѣкоторое время занятій

въ столицѣ и не найдя ничего подходящаго, Соколовскій осенью 1837 года отправился въ Вологду. Есть основаніе предполагать, что онъ былъ удаленъ изъ Петербурга, гдѣ, вѣроятно, опасались оставлять на свободѣ уже скомпрометтированнаго, неосторожнаго и празднаго поэта. «Совсѣмъ молодой Соколовскій казался въ это время, — по словамъ одного современника, — человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Онъ былъ небольшого роста съ темными коротко остриженными волосами; въ его лицѣ выражалось что-то болѣзненное и страдальческое. Онъ носилъ обыкновенно истертый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы». Въ Вологдѣ Соколовскій занялся редактированіемъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и первое время велъ дѣло успѣшно. Скоро, однако, болѣзненная привычка къ вину, усилившаяся еще болѣе послѣ неудачи его второй поэмы «Хеверъ», на которую авторъ возлагалъ большія надежды, овладѣла имъ совершенно. Молодые поклонники, которыми такъ охотно окружаютъ себя таланты второго и третьяго ранга, оказались достойными его самого. Дни и ночи проходили въ непрерывныхъ кутежахъ. Вскорѣ у Соксловскаго появились признаки тяжелой легочной болѣзни. Онъ отпросился на Кавказъ и въ 1839 году умеръ въ Пятигорскѣ отъ скоротечной чахотки. Послѣ смерти поэта мелкія лирическія стихотворенія его продолжали появляться нѣкоторое время въ

периодическихъ изданійхъ: «Молодичинѣ», «Метеорѣ» и другихъ, но полного собранія сочиненій Соколовскаго никогда не было издано и въ настоящее время онъ, несмотря на несомнѣнную талантливость, совсѣмъ неизвѣстенъ широкой публикѣ. Произведенія поэта, кромѣ «Мірозданія» вообще не выдержаны и даже слабы. Въ этой поэмѣ, написанной легкимъ и звучнымъ стихомъ, есть картины, судя по которымъ мы вправѣ заключить, что онъ обладалъ недюжинной поэтической фантазіей и большою силою выраженія. Эти отрывки любители поэзіи могутъ найти въ извѣстной хрестоматіи Гербеля: «Русскіе поэты», гдѣ имъ предпослана коротенькая біографія.

Основанныя В. И. Соколовскимъ «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» печатались на грубой сѣрой бумагѣ въ форматѣ четверти большого газетнаго листа четкимъ разгонистымъ шрифтомъ. Въ неофициальной части, озаглавленной: «Прибавленія къ Вологодскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» и имѣвшей отдѣльную нумерацію страницъ, помѣщались: статьи по исторіи, географіи и этнографіи вологодскаго края, сельско-хозяйственныя и медицинскія свѣдѣнія, метеорологическія наблюденія, денежный курсъ, рыночныя цѣны, изрѣдка стихотворенія (безъ подписи, но, судя по структурѣ стиха, по видимому, принадлежавшія самому редактору) и даже анекдоты. Послѣ Соколов-

скаго неофициальная часть «Губернскихъ Вѣдомостей» замѣтно хирѣть. Въ пятидесятихъ годахъ ею началъ завѣдывать Н. Оаворскій, котораго въ семидесятихъ годахъ смѣнили В. Поступальскій и Н. А. Полиевктовъ. Въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ отдѣлъ этотъ вели И. К. Степановскій и А. А. Брянчанinovъ. За весь этотъ періодъ «Губернскія Вѣдомости», печатавшіяся въ казенной типографіи, т. е. въ смыслѣ средствъ, матеріально обезпеченныя, дали сравнительно ничтожный матеріалъ для изученія чрезвычайно интереснаго во многихъ отношеніяхъ вологодскаго края. (См. «Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за періодъ отъ 1838 по 1888 годъ», составленный И. К. Степановскимъ)

Гораздо солиднѣе историко-археологическій и церковный матеріалъ, содержащійся въ основанныхъ въ 1864 году Н. И. Суворовымъ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Труды этого писателя являются базой для всякаго желающаго изучить обширный Вологодскій край въ историческомъ и археологическомъ отношеніи. Николай Ивановичъ Суворовъ, сынъ священника Никольскаго уѣзда, родился въ 1816 году. Образование получилъ въ Устюжскомъ духовномъ училищѣ и Вологодской духовной семинаріи, по окончаніи которой былъ отправленъ

въ Московскую Духовную Академію. Съ конца 1841 года по 1883 годъ состоялъ преподавателемъ исторіи въ вологодской семинаріи, съ 1864 г. по 1896 г.—редакторомъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Умеръ 11 мая 1896 года и погребенъ на Богородскомъ кладбищѣ. Одинъ перечень сочиненій Н. И., составленный покойнымъ П. А. Дилакторскимъ для своего важнаго, до сихъ поръ остающагося въ рукописи труда: «Вологжане—писатели» *), занимаетъ около десяти (!) страницъ. Важнѣйшія изъ нихъ: «Вологодскій Лѣтописецъ», «Акты Вологодскаго края», «Вологда въ началѣ XVIII вѣка», «Устюгъ-Великій въ концѣ XVIII вѣка», «О цѣнахъ въ Вологодскомъ краѣ на жизненные припасы въ XVII и XVIII вѣкахъ», «Дѣятельность городовъ нынѣшней Вологодской губерніи въ Смутное время» и др. Крайне кропотливые и научно—добросовѣстные труды Суворова настолько серьезны, что авторъ ихъ былъ избранъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Географическаго Общества, Московскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Общества любителей древней письменности, Ростовскаго музея церковныхъ древностей и др. Не менѣе

*) Этотъ трудъ представляетъ дальнѣйшую разработку библиографическаго указателя, печатавшагося въ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1898 и 1899 г.г. **М. Ш.**

важны и болѣе разносторонни работы П. И. Савваитова. Павелъ Ивановичъ Савваитовъ родился въ 1815 году въ семьѣ священника Вологодскаго Каѳедральнаго собора. Блестяще окончивъ мѣстную духовную семинарію и Петербургскую духовную академію, Савваитовъ двадцатидвухлѣтнимъ юношей былъ возведенъ въ ученую степень магистра. Первые годы службы по духовному вѣдомству провелъ въ Вологдѣ, преподавая въ семинаріи исторію философіи, гражданскую исторію и еврейскій языкъ. Съ 1842 г. по 1867 г. состоялъ преподавателемъ петербургской духовной семинаріи, читая здѣсь въ разные періоды: патристику, священное писаніе, герменевтику и статистику русскаго раскола. Кромѣ того занималъ должность преподавателя русскаго языка и словесности въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ и Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Послѣ тридцатилѣтней кипучей педагогической дѣятельности Савваитовъ вышелъ въ 1867 году въ отставку.

Во время служебной дѣятельности П. И. неоднократно командировался для ученыхъ изслѣдованій и обзрѣнія церковныхъ библиотекъ и архивовъ въ Вологодскую, Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губерніи. Ученые труды Савваитова очень рано были признаны избраніемъ его въ члены Императорскаго Археологическаго

Общества, Императорскаго Географическаго Общества, Императорскаго Общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ, Королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Императорскаго Вольно-экономическаго Общества, Общества любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, Общества древне-русскаго искусства при Румянцевскомъ музеѣ и Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Лингвистическія работы Саввантова: «Зыряно-русскій и русско-зырянскій словари» и «Грамматика зырянскаго языка» удостоены Академіей Наукъ Демидовской преміи, кромѣ отдѣльнаго солиднаго пособия на ихъ напечатаніе. Сочиненіе «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора» (2 изданія: М. 1865 г. и М. 1895 г.) удостоено Уваровской преміи. Саввантовъ скончался 12 іюля 1895 года.

Говоря о Н. И. Суворовѣ и П. И. Саввантовѣ, положившихъ своими трудами, начало «вологодской исторіографіи», надо, дабы не разрезнивать матеріала, упомянуть объ остальныхъ мѣстныхъ историко-археологахъ. Продолжателемъ дѣла, принятаго Н. И. Суворовымъ, является въ настоящее время сынъ его, И в а н ъ Н и к о л а е в и ч ъ С у в о р о в ъ (род. 1860 г.), замѣстившій отца въ качествѣ преподавателя духовной семинаріи и редактора

«Епархіальныхъ Вѣдомостей». Статьи И. Н. помѣщались въ «Трудахъ Рязанской Ученой Архивной комиссіи», «Русской Старинѣ», «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и др. изданіяхъ. См. «Дѣятельность городовъ нынѣшней Вологодской губерніи въ Смутное время» (IV т. «Вологодскаго Сборника». В. 1885 г.), «Раззореніе Вологодскаго края въ 1612—1613 г. (V т. «Вологодскаго Сборника. В. 1887 г.), «О посѣщеніяхъ Вологды царемъ Іоанномъ IV» («В. Г. В.» № 34 и «В. Е. В.» № 24), «Обозрѣніе событій, относящихся къ исторіи Вологодской губерніи до XVI вѣка» («Вологжанинъ», В. 1895 г.), «Жалоба Устюжанъ на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра на имя патріарха Адриана. «Русск. Старина» 1891 г., «Описаніе свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Древнехранилищѣ (1618 — 1706 г.г.)». В. 1899 г. и мн. др. Далѣе очень видное мѣсто занимаютъ труды А. Е. Мерцалова. Александръ Евграфовичъ Мерцаловъ, сынъ помѣщика, родился въ 1847 году въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Образование получилъ въ Вологодской гимназій, въ которой занималъ нѣкоторое время мѣсто помощника классныхъ наставниковъ. Весьма любопытны работы М.: «Георгій Дашковъ въ ссылкѣ на Каменномъ островѣ» «Р.Ст.» 1877., «Черты изъ крѣпостного права». Тамъ-же. 1880 г., «Очеркъ г. Вологды по писцовой книгѣ 7135 г. (1627), («Вол. Сборникъ» т. V. 1887 г.), «Панскій наѣздъ»,

«Устюгъ-Великій въ первой четверти ХѴІІ вѣка. Тамъ-же. «Какую роль игралъ Григорій Отрепьевъ въ самозванческой интригѣ?» Ист. Вѣст 1892 г., «Борисъ Годуновъ. 1584—1605 г.». Тамъ-же 1893 г., «Очерки изъ исторіи Смутнаго времени». СПБ. 1895 г. «Соловецкій монастырь, какъ сосѣдъ Швеціи» (1571—1790 г.) «Русск. Паломн.» 1895 г. «О дѣятельности Авраамія Палицына въ смутное время (1897 г.), О земскомъ строѣ древне-русскаго государства («Вѣстникъ всемірной исторіи и литературы») 1896 г. «Паны въ Вологодскомъ краѣ въ Смутное время. Посвящено этнографу А. А. Шустикову. («Прибавленія къ «В. Е. В.» 1902 г № 10 и 11) и др.

И. К. Степановскому (въ періодъ 1887—1890 гг. занимавшему мѣсто редактора неофициальной части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей») принадлежит, кромѣ отдѣльныхъ мелкихъ замѣтокъ, изданіе довольно цѣннаго мѣстнаго библиографическаго подспорья: «Указатель статей, относящихся къ Вологодской губерніи, помѣщенныхъ въ неофициальной части «В. Г. В.» въ теченіе пятидесятилѣтняго ихъ существованія 1838—1888 г.». Вологда. 1888 г. Пользуется известностью другая книга того же автора: «Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ Вологда. 1890 г.». Наконецъ считаю долгомъ остановить вниманіе читателя на скромныхъ, но почтенныхъ именахъ *п о р а й о н н ы хъ* исто-

рикахъ нашего края. За послѣдніе годы и въ мѣстной и въ общей печати проф. С. Петербургскаго Психо-неврологическаго Института К. Θ. Жаковымъ (о которомъ рѣчь бдетъ ниже) усердно будировалась, если такъ можно выразиться, зырянская идея. Едва-ли не первый, Жаковъ, самъ родомъ зырянинъ, воскресилъ въ известной книгѣ «Памъ Бурморъ» (СПБ. 1905 г.) величавыя поэтическія легенды зырянскаго народа. Имъ же предпринять былъ цѣлый рядъ работъ научнаго характера, касающійся зырянъ, — этнографическія, географическія, статистическія и, наконецъ, лингвистическія изслѣдованія. Справедливость требуетъ назвать предшественниковъ К. Θ. въ данномъ направленіи. Еще въ половинѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія М. И. Михайловымъ были напечатаны въ «Москвитянинѣ» (1849 г) «Замѣтки о зырянахъ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1851 — 1852 г.г) статьи: «Физическія и нравственныя свойства зырянъ», «Домашній и сельскій бытъ зырянъ», «Земледѣліе и скотоводство у зырянъ» и др. Почти одновременно съ этимъ появились, хотя въ сравнительно малораспространенныхъ изданіяхъ: «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» («О зырянахъ» 1845 г.), «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» («Замѣтки о самоѣдахъ») и «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическа-

го Общества» 1853 г. («Дневникъ во время путешествія на Печору») — работы крупнаго общественнаго и торговаго дѣятеля В. Н. Латкина (1809—1867 г.). Дѣятельность Г. С. Лыткина (род. въ 1835 г.) была посвящена главнымъ образомъ переводу богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ (Четыре Евангелія, Дѣянія, Псалтирь, Литургія І. Златоуста). См. также «Пятисотлѣтіе зырянскаго края». Жур. Мин. Нар. Просв. 1883 г. кн. 12 и «Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и зырянскихъ» СПб. 1889 г. Работы С. Е. Мельникова носили преимущественно этнографическій («Заговоры зырянь», «Зырянскія бачи») и экономическій характеръ («Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей», «Единицы старинныхъ русскихъ мѣръ и вѣсовъ», «О цѣнахъ на разные предметы въ г. Устьсысольскѣ въ XVII столѣтіи» и проч.) и помѣщались въ «Вѣстникъ Географическаго Общества», «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», «В. Г. В.» и «В. Е. В.». Авторъ состоялъ членомъ сотрудникомъ Императорскаго Археологическаго Общества. Хорошо извѣстный въ Вологодскомъ педагогическомъ мірѣ М. М. Куклинъ (1845 - 1896), бывший учителемъ яренскаго уѣзднаго и впоследствии учителемъ - инспекторомъ вологодскаго городского училища, написалъ статьи: «Замѣтка о гор. Яренскѣ», «Прозви-

ща жителей въ некоторыхъ городовъ Вологодской губерніи», «Слова и выраженія Яренжанъ», помѣщенные въ 80-ыхъ годахъ въ «В. Г. В.» Кромѣ того перу М. М. принадлежитъ цѣлый рядъ беллетристическихъ опытовъ: «Въ захоlustыи» («Свѣточъ» 1882 г.), «Зайчики» («Дѣтскій Одохъ» 1889 г.), «Мишукъ», «Ежики», «Буренушка» (ib 1892, 1893 г. г.) «Уточка», «Вороны» («Игрушечка», 1894, 1897 г.) и др. Г. Яренску, какъ будто самому захоlustному изъ городовъ нашей губерніи, вообще везло въ бытописателяхъ. Въ сороковыхъ годахъ о немъ писалъ П. А. Протопоповъ: «Объ основаніи г. Яренска». Выписка изъ сошнаго письма «В. Г. В.» 1842 г., «Яренскіе боеволы въ XVII вѣкѣ» ib. 1839 г. «Г. Яренскъ», ib. того же года и др. Спустя полстолѣтія къ нему вернулся А. А. Карелинъ, невольный почетный гость г. Яренска, въ статейкѣ, написанной для альманаха «Воложанинъ» («Землевладѣніе и промыслы крестьянъ Яренскаго уѣзда». стр. 112—120). Сосѣдъ Яренска г. Солювычегодскъ также имѣлъ своихъ историковъ или еще вѣрнѣе, если мнѣ будетъ позволено выразиться немного забавнымъ слогомъ, лѣтописателей. Такъ вѣкій Алексѣй Сокинъ, служившій ратманомъ Солювычегодскаго магистрата, оставилъ трудъ: «Исторія города Соли-вычегодской древнихъ и нынѣшнихъ временъ. Написана собственною его рукою въ лѣто отъ сотво-

ренія міра 7297-е, а отъ Рождества Христова 1789». **Ө. Протопопову** принадлежить: «Топографо историческое описаніе Сольвычегодска». М. 1814 г., а **П. Сорокин** у: «Городъ Сольвычегодскъ въ XVII вѣкѣ по писцовымъ книгамъ 1025 г.» и «Объ укрѣпленныхъ мѣстахъ Сольвычегодскаго уѣзда» «В. Г. В.» 1852, 1853 г. Того-же автора: «Городъ Устюгъ въ 1683 году» ib. 1854 г. Объ Устюгѣ см. выше — труды **Н. И. Суворова**, а также: **Поповъ В. А.** «Промышленность въ Устюгѣ прежде и теперь». Историческое изслѣдованіе. «В. Г. В.» 1859 г. **Владимиръ Алексѣевичъ Поповъ** (1828—1867), членъ Императорскаго Географическаго Общества, авторъ цѣннаго труда, премированнаго золотою медалью: «Движеніе зародонаселенія въ Вологодской губерніи» СПБ. 1864 г. и цѣлаго ряда финансовыхъ статей, помѣщавшихся въ «В. Г. В.», помощникомъ редактора которыхъ онъ состоялъ съ 1858 по 1863 годъ. Братъ **В. А. Клавдій Алексѣевичъ Поповъ**, постоянный сотрудникъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Географіи, извѣстенъ своими изслѣдованіями о половникахъ и зырянахъ, помѣщенными въ «Трудахъ» названнаго Общества (М. 1874—1877 г.г.). **Г. Тотъмъ** и уѣзду посвящены работы **В. Т. Попова**: «Описаніе Кокшеньги» «В. Г. В.» 1857 г. «Городъ Тотма Вологодской губерніи». Историческій очеркъ. Вологда, 1886 г.

«Преданія въ Тотемскомъ уѣздѣ о Ермакѣ». «В. Г. В.» 1898 г.

О г. Кадниковѣ см. замѣтку И в а н о в и ч а (С в ѣ д е н ц о в а) въ «Вологжанинѣ» П. А. Дилакторскаго «Эпизодъ изъ исторіи города Кадникова» стр. 108—111, а также работы П. А. Д и л а к т о р с к а г о, о которомъ подробно—ниже и А. А. Ш у с т и к о в а Андрей Алексѣевичъ Ш у с т и к о в ъ, промышленникъ, род. въ семьѣ крестьянина Кадниковскаго уѣзда въ 1859 г. Состоитъ членомъ сотрудникомъ Императорскаго Географическаго Общества, отъ котораго еще юношею получилъ серебряную медаль за сочиненіе: «Тройчина». Сотрудничалъ въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» (разказы: «Выскользнулъ», «На сельскомъ сходѣ», «Отставной ловеласъ» и др. «О. В.» 1886—1887 г.г.) «Живой Старинѣ», «Сельскомъ Хозяинѣ», «Сѣверномъ Краѣ» и др. изд.

Кромѣ этихъ статей и разсказовъ А. А. Шустикова имъ напечатаны: «О развитіи лѣсопромышленности въ кадник. у.» «Русс. Ж.» 1893 г., «Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ». «Изв. Академіи Наукъ». № 26 вып. III. «Темные и свѣтлые уголки нашего сѣвера», «Честный акцизный», «Съ натуры» («Сѣверный Край» 1900 г.), экономическіе очерки: «Общинное землевладѣніе», «Взгляды крестьянъ кадниковскаго уѣзда на земельную собственность» и «Право семейной и личной собственности среди крестьянъ

надниковскаго уѣзда» («Живая старина» 1903, 1907 и 1909 г.г.). Наконецъ въ 1900 г. А. А. издана книга «Плоды досуга», бытовые очерки изъ сѣверно-русской жизни. Корреспонденціи того же автора помѣщались въ газетахъ: «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ», «Русская Жизнь» и пр., а мелкія юмористическія сценки и стихотворенія въ «Будильникѣ», «Невѣ» и др.

Очень много было сдѣлано вологжанами въ области географіи и этнографіи края. Флегонтъ Арсеньевичъ Арсеньевъ, род. въ 1832 году, учился въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ лицѣѣ, съ 1867 года состоялъ секретаремъ вологодскаго губернскаго статистическаго комитета, съ 1882 г.—чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ устьсысольскаго уѣзда. Многочисленные литературные труды Арсеньева, посвященные главнымъ образомъ описанію Вологодскаго и Пришекснинскаго края, печатались во многихъ повременныхъ изданіяхъ. Отдѣльно вышли: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» М. 1873 г., «Очеркъ кустарныхъ промысловъ въ вологодской губерніи»: В. 1882 г. и др. Однако, пионеромъ въ области этнографіи нашего края слѣдуетъ считать едва-ли не Н. И. Иванецкаго, напечатавшаго рядъ статей въ «В. Г. В.» за 1840 годъ. Н. А. Иванецкій, земскій статистикъ, издалъ «Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи» М. 1890 г. Этому же

автору принадлежить много лирических стихотвореній и несомнѣнно талантивые «опыты» беллетристическаго характера. Таковъ остроумный очеркъ «Въ царствѣ черточекъ и точекъ» (изъ жизни телеграфистовъ), помѣщенный въ «Книжкахъ Недѣли», «Мои слуги» («Вологжанинъ») и пр. Съ особенной признательностью вологжане должны остановиться на имени скончавшагося въ 1910 году П. А. Дилаторскаго, не только «идейнаго» безъ примѣси, но и прямо идеальнаго труженика въ избранной имъ области. Покойный, изъ дворянъ Вологодской губернии, родился въ 1868 году и началъ образованіе въ Вологодскомъ реальномъ училищѣ; въ дѣтствѣ росъ болѣзненнымъ и хилымъ мальчикомъ и страдалъ наслѣдственной эпилепсіей. Вслѣдствіе припадка послѣдней, случившагося въ классѣ во время посѣщеній занятій учениковъ петербургскимъ окружнымъ начальствомъ, долженъ былъ оставить училище и продолжать образованіе дома. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ близко сошелся съ проживавшимъ тогда въ г. Кадниковѣ подъ извѣстнымъ особымъ вниманіемъ губернскаго начальства Н. А. Иваницкимъ, оказавшимъ огромное вліяніе на развитие симпатичнаго юноши. Къ этому времени относится начало его этнографическихъ трудовъ, предпринятыхъ, какъ намъ извѣстно, въ сотрудничествѣ со старшимъ братомъ С. А. (нынѣ предсѣдателемъ

Кадниковской уѣздной земской управы): «Свадебный день въ кадниковскомъ уѣздѣ» и «Качунъ свадебнаго дня въ Троичинѣ кадниковскаго уѣзда» (См. «В. Г. В.» за 1890 и 1891 г.) Въ началѣ девяностыхъ годовъ П. А. переѣхалъ на жительство въ Вологду и на первыхъ-же порахъ завязалъ близкое знакомство съ А. А. Карелинымъ, на которомъ я считаю необходимымъ остановиться предварительно.

Самъ Карелинъ представляетъ изъ себя фигуру замѣчательно характерную для передоваго поколѣнія «восьмидесятыхъ» годовъ. Это не «шестидесятникъ», вѣсколько односторонній, но послѣдовательный прямолинейный «теоретикъ» одного изъ двухъ прогрессивныхъ лагерей; это не «практическій дѣятель» печальной памяти слѣдующаго десятилѣтія, оторванный отъ почвы, или вѣрнѣе, не сліянный съ нею, еще не подготовленной для сѣявшагося зерна, и потому самому глухой къ зову, если хотите, самозванческой миссіи. Карелинъ-эклектикъ. Онъ недостаточно глубокъ, не достаточно ярокъ для кулиминаціонной эпохи разцвѣта общественнаго самосознанія, онъ не въ достаточной мѣрѣ одаренъ упрямой волею, чтобы идти напроломъ, съ завязанными глазами къ намѣченной цѣли. Это—въ смыслѣ общественно-политическихъ идеаловъ Карелина; въ области литературныхъ вкусовъ и симпатій его живого и разносторонняго,

но поверхностнаго ума, эклектизмъ сказался еще ярче. На первый взглядъ послѣ его увлекающагося, часто облеченнаго въ блестящую, остроумную форму, литературнаго спора казалось, что Карелину, какъ ни странно, одинаково понятны и близки и нѣжная поэзія женской души Тургенева и грубый реализмъ созданій великаго Бальзака, абстрактные безплотные образы Шелли, и божественная ясность переживаній Пушкина и претенціозная надуманность бельгійскаго декадента. Но это было первое впечатлѣніе: уже послѣ второй или третьей бесѣды оппонентамъ, иногда въ серіозъ принимавшимся оспаривать Карелина, становились очевидны н а с т о я щ і е скромные размѣры его литературнаго багажа. Самая жизнь Карелина сложилась чрезвычайно безалаберно; онъ родился въ даровитой семьѣ богатаго нижегородскаго фотографа въ 1863 году. (Родной братъ А. А.—извѣстный художникъ, академикъ исторической живописи). Баловень родныхъ, любимецъ охотно уступавшихъ первенство сверстниковъ, молодой Карелинъ прекрасно учился, былъ не по лѣтамъ развитымъ юношей, почти отрокомъ, полноправнымъ собесѣдникомъ въ средѣ взрослыхъ интеллигентныхъ людей. Нѣсколько неосторожныхъ, по его собственному признанію, словъ, брошенныхъ на лету, гдѣ-то на каткѣ, въ сумятицу печальныхъ мѣртовскихъ дней, когда всѣ потеряли голову, привели его къ аресту,

обыску и тюрьмѣ. Отсутствіе какихъ-бы то ни было серьезныхъ связей съ «партіями» выяснилось, но юноша уже былъ и озлобленъ и сбитъ съ дороги. Онъ завязалъ «связи», попалъ въ кружки и въ концѣ концовъ... угодилъ въ Минусинскъ и затѣмъ въ Яренскъ.

Кенавъ въ извѣстной книгѣ о Сибирѣ посвятилъ К. нѣсколько теплыхъ строкъ. Я впрочемъ невольно отступилъ отъ хронологическаго порядка. Въ промежуткѣ между тюрьмами К. удалось сдать и экзаменъ зрѣлости и урывками окончить университетъ (въ Казани).

Изъ Яренска Карелинъ, благодаря связямъ, добился въ 1891 году перевода въ Вологду. (Памятникомъ «яренскаго свѣдѣнія» былъ между прочимъ очеркъ «Землевладѣніе и промыслы крестьянъ яренскаго уѣзда» въ «Вологжанинѣ» П. А. Дилакторекаго). Первые мѣсяцы вологодской жизни были очень плодотворны. Онъ усидчиво занимается своей любимой наукой—политической экономіей и готовитъ къ печати солидный трудъ «Общинное землевладѣніе въ Россіи». Заслуживаетъ удивленія уже одно количество фактическаго матеріала, собраннаго авторомъ во время скитавій по медвѣжьимъ угламъ съ такой точностью и въ такомъ обиліи, что книга К. (Издана въ СПБ. въ 1893 г.). стала базой при дальнѣйшихъ работахъ по общинному вопросу. Почти одновременно съ выходомъ этого труда А. А. напе-

читалъ рядъ статей экономическаго характера въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникъ Европы» и др. журналахъ.

Вторымъ капитальнымъ трудомъ К. было «Краткое изложеніе политической экономіи». СПБ. 1894 г. Изданіе Л. Пантелѣева. Я засталъ однажды этого петербургскаго издателя, хорошо знакомаго воложжанамъ, особенно учащейся молодежи, у Карелина какъ разъ во время переговоровъ по поводу изданія названной книги. Карелинъ, припоминаю, былъ воодушевленъ необыкновенно, все время говорилъ, смѣялся и то и дѣло вскакивалъ съ дивана, чтобы пройти по комнатѣ. Незадолго до пріѣзда Пантелѣева К. навѣстили М. К. Цебрикова (проѣздомъ изъ Яренска, о чемъ въ своемъ мѣстѣ) и П. В. Засодимскій. Вообще К. послѣ успѣха «Общиннаго землевладѣнія» сталъ на виду въ петербургскихъ журвальныхъ сферахъ, на него стали... надѣяться и ждать. Карелинъ обманулъ эти ожиданія.

Карелина до извѣстной степени «заѣла среда». На первый взглядъ въ примѣненіи къ нему это пошлое, избитое выраженіе покажется дикимъ, невѣроятнымъ. Несмотря на всѣ жизненныя преграды, начиная съ перваго юношескаго возраста, онъ добивается окончанія и средняго и высшаго образованія, профессора намекаютъ на возможность соисканія ученой степени и полученія каѳедры, гдѣ-то на окраинѣ безъ архивовъ и библіотекъ онъ

пишетъ солидный, н а с т о я щ і й ученый трудъ; пробуетъ свои силы въ адвокатурѣ и съ перваго дебюта имѣетъ несомнѣнный, почти опьяняющій успѣхъ... и вдругъ старое, неумное «заѣла среда». Я выразился съ осторожностью: «до известной степени», ибо большая часть вины, разумѣется, лежала на немъ, *въ немъ*. Карелинъ былъ лѣтн і й цвѣтокъ. Корни его были не глубоки. Я упомянулъ объ адвокатурѣ. Отчасти ова и связанная съ нею удовлетворенное самолюбіе и матеріальное преуспѣяніе—«подставили ему ногу». Я помню процессъ Церебилки, гимназистки обвинявшейся въ составленіи подложныхъ писемъ и вымогательствѣ; на судѣ фигурировало имя популярнѣйшаго въ то время въ Россіи пастыря. Довольно недалекою, сбитуую съ толку третьими лицами, дѣвушку защищалъ известный ярославскій адвокатъ. Рѣчь защитника была щедро усыпана «цвѣтами». Говорилось о религіозномъ экстазѣ, о Жаннѣ д'Аркъ, еще о чемъ-то. Карелинъ, защищавшій сообщницу Церебилки—портниху Яковлеву, поступилъ проще; онъ, какъ говорится, взялъ прямо быка за рога. Не стѣсняясь, что идетъ въ разрѣзъ съ «помпой» своего старшаго товарища, онъ выяснилъ аб ово ничтожество всего этого дѣла, раздутаго, «преувеличеннаго въ телескопѣ вологодской скуки». Обвиненіе гремитъ перенами, доказываетъ «изошренность» преступницы, «стремленіе поддѣлаться въ

инкриминируемыхъ писъмахъ подъ тонъ и манеру великосвѣтскихъ дамъ!» Защита беретъ со стола вещественныхъ доказательствъ полуграмотныя, нацарапанныя на клочкахъ сѣрой бумаги писанія обвиняемой, легко разбиваетъ доводы объ «опытности», «изощренности» и ядовито замѣчаетъ: «а отсюда я въ правѣ заключить, что на кабинетномъ столѣ господина товарища прокурора никогда не лежало писемъ отъ свѣтскихъ дамъ!». Движеніе въ публикѣ. Улыбки судей. Въ результатѣ полное оправданіе легкомысленныхъ дѣвочекъ. И завертѣлось колесо адвокатскихъ успѣховъ Карелина. Завязались широкія знакомства въ коммерческомъ мірѣ. Начались «компаніи», ужины и, наконецъ, «игра». Карелинъ началъ отставать отъ усидчивой научной работы; къ тому-же вторая книга его, «Краткое изложеніе политической экономіи», была принята ученой критикой гораздо холоднѣе, чѣмъ «Общинное землевладѣніе». Повидимому, теорія французскаго матеріалистическаго социализма, къ которой тяготѣлъ авторъ, совсѣмъ не встрѣчала сочувствія у нашихъ экономистовъ. Ко всему этому присоединились крупныя семейныя непріятности, въ игрѣ сильно не повезло. Дѣла скоро стали запутываться, а напряженная, неправильная жизнь кончилась сильнѣйшей неврастеніей. Родственники жены увезли К. изъ Вологды, куда первое время доходили неопредѣленные слу-

ни, что онъ находится въ какомъ-то частномъ лечебномъ заведеніи для нервно-больныхъ. Потомъ стало циркулировать извѣстіе, что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ воспретилъ ему за допущенныя нарушенія адвокатской этики, практику, и онъ переселился въ Сибирь, гдѣ функционировали еще старыя судебныя установленія. Наконецъ имя его заглохло со-всѣмъ и лѣтъ пятнадцать не появляется на глаза въ печати. Частные слухи передавали, что онъ погибъ и при томъ, почти случайно, въ 1905 году во время столкновения отряда повстанцевъ съ карательной экспедиціей бар. Меллера—Закомельскаго. Достоверность этого слуха находится все-таки подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

Возвращаясь къ П. А. Дилакторскому. Послѣдній пріѣхалъ изъ своей усадѣбки съ большими планами и небольшими деньгами. Онъ искалъ какой-нибудь подходящей «интеллигентной» дѣятельности. Какъ разъ въ это время Карелину удалось убѣдить покойнаго А. В. Гудкова-Бѣлякова, владѣльца старѣйшей въ Вологдѣ типографіи и скромнаго, но стойкаго общественнаго дѣятеля, въ необходимости открыть хорошую публичную бібліотеку, которую уже легко было-бы сдѣлать центромъ единенія всѣхъ «право-мыслящихъ», т. е. лѣвыхъ элементовъ вологодскаго общества. Дѣло затѣялось, но Гудковъ былъ все же человѣкъ въ годахъ, осторожный и уравновѣшенный, къ широкимъ тратамъ

во вкусахъ Карелина былъ несовѣтъ расположенъ. Поселившійся въ В. молодой и горячій Дилакторскій «подвернулся» инициатору, какъ нельзя болѣе подходящій матеріалъ. Онъ не поскупился на свои скромныя средства пріобрѣсти *з а н о в о*, изъ книжныхъ магазиновъ, приличную бібліотеку по каталогу, составленному опытной и размахистой рукой Карелина. Одновременно было предпринято изданіе «Вологжанина», *литературно-научнаго* сборника, посвященнаго нашему краю и заполненному почти цѣликомъ *н а ш и м и* силами. Это названіе, съ немножко страннымъ подзаголовкомъ вѣроятно уже успѣло примелькаться моему читателю. Карелинъ, вскорѣ же послѣ переѣзда изъ Яренска завязавшій знакомства съ вологжанами, причастными къ «литературному грѣху», довольно скоро комплектовалъ сборникъ, но денегъ на печатаніе не было, а на собственный рискъ владѣлецъ типографіи не рѣшался. Дилакторскій свалился, яко мавна небесная. Онъ подхватилъ чужую идею, возлюбилъ ее, какъ свое дѣтище, отправилъ «Сборникъ» въ цензуру, гдѣ тотъ прошелъ цѣликомъ за исключеніемъ двухъ статеекъ устюжанъ: И. Я. Львова и А. А. Тарутина, и скоро «Вологжанинъ» увидѣлъ свѣтъ. Не знаю, нажилъ-ли тутъ хоть чѣмъ-нибудь, въ качествѣ повивальной бабки, Карелинъ, но достовѣрно, что *а в т о р ы* были рассчитаны издателемъ до копейки. Съ этого перваго крупнаго шага

своей жизни и до конца дней П. А. Дилакторскій оставался глубоко честнымъ и глубоко непрактичнымъ человекомъ. Несомнѣнно, что появившіяся въ «Вологжанинѣ» статьи, имѣвшія исключительно мѣстны й интересъ, — не возникли у Карелина и не «процвѣти» у Дилакторскаго эта самая идея «литературно-научнаго» сборника, — эти статьи, навѣрняка, были-бы погребены въ портфеляхъ ихъ авторовъ. Последніе охотно отдали-бы рукописи Дилакторскому, можетъ быть и не совсѣмъ бесплатно, одной славы ради, но по крайней мѣрѣ, въ условіяхъ участія въ прибыляхъ. Но П. А. предпочелъ заплатить по 25 рублей съ листа и не только прямымъ собственникамъ, но даже за имущество безхозяйное, какъ это случилось съ комедіей (сценами) покойнаго К. А. Четверухина. (Объ этомъ когда вибудь послѣ.) Щедро (по провинціи) расквитавшись съ авторами, Дилакторскій, однако, вознамѣрился перенести центр тяжести своихъ расходовъ на публику и назначилъ плату за жиденькую (200 стр.) книжку, по необходимости изданную неказисто, рубль двадцать пять копеекъ. Все изданіе цѣликомъ осталось на рукахъ издателя: не было продано десятка (!) экземпляровъ.

Потерпѣвшій матеріальный крахъ, «Вологжанинъ» П. А. Дилакторскаго не встрѣтилъ особаго поощренія и со стороны старшей литературной братіи. Сборникъ былъ разосланъ для отзыва въ нѣсколько серъ-

езныхъ столичныхъ изданий: большинство ограничилось молчаніемъ, кое—гдѣ появились «крохотныя» замѣтки явно снисходительнаго характера. Такъ, въ литературномъ обзорѣ «Русскаго Богатства» была проведена обидная параллель между нашимъ незадачливымъ дѣтищемъ и «Оемистоклюсомъ» Манилова, про котораго незабвенный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ выразился за обѣдомъ: «скажите, пожалуйста, какія способности у этого ребенка!» Въ библиографическомъ отдѣлѣ «Новаго Времени» «удружилъ» въ свою очередь землякъ, авторъ довольно шаблонныхъ повѣстей и стихотвореній, но очень популярныхъ въ дѣтской литературѣ очерковъ. Наиболѣе мягко рецензентъ отозвался о «небольшомъ, но симпатичномъ талантѣ покойнаго К. А. Четверухина, къ лучшимъ вещамъ котораго напечатанное произведение («Грѣхъ по невѣдѣнію»), отнюдь однако, не принадлежитъ». Дилакторскій, разумѣется не посылавшій «Вологжанина» для отзыва въ сатирическія изданія, передавалъ близкимъ лицамъ свои подозрѣнія, что этому же автору принадлежитъ появившаяся въ «Будильникѣ» карриатура. Была изображена кухонная плита съ кастрюлями и сковородами, снабженными соответствующими надписями: «драма», «беллетристика», «стихи» и т. д. Поваръ, морщась, «пробуетъ» кушанье изъ этой послѣдней кастрюли: «фу, какая гадость! самому тошно, а приходится пред-

лагать публикѣ!» Потерпѣвъ «издательскую» неудачу, и распродавъ, кромѣ періодическихъ изданій, библіотеку, П. А. всецѣло отдался своимъ любимымъ занятиемъ: этнографіи и библіографіи. До изданія сборника, кромѣ указанныхъ мною выше работъ П. А., были напечатаны: «Пастушьи заговоры Кадниковскаго уѣзда» «В. Г. В.» 1891 г. и «О помочахъ въ Вологодской губерніи». «Этн. Обзор.» 1894 г. Послѣ этого онъ становится постояннымъ сотрудникомъ послѣдняго журнала. См. «Вѣдомость о маслечномъ поведеніи 1762 г.», «Духовные стихи въ Вологодской губерніи», «Свадебные обычаи и пѣсни въ Тотемскомъ уѣздѣ», «Изъ преданій и легендъ Кадниковскаго уѣзда», «Свадебные обряды Вологодской губерніи» и проч. Двѣ найденныя и приобрѣтенныя П. А. въ Вологдѣ рукописныя комедіи XVIII столѣтія: *Шапошникъ и Мужикъ и Мошленикъ и Кобылякъ* были изданы академикомъ В. О. Миллеромъ подъ заглавіемъ «Новый интерлюдій XVIII вѣка». Въ «Истор. Вѣстн.» по временамъ покойный помѣщалъ рецензіи на книги библіографическаго и этнографическаго содержанія. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ Дилакторскій началъ собирать матеріалы для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губерніи. Съ конца 1898 года они начали печататься въ неофф. части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (съ 37 №) и послѣ большого перерыва возобновились

и окончились печатаніемъ на слѣдующій годъ (съ 166 №). Вотъ что говоритъ о «Вологжавахъ — писателяхъ» Д. Зеленинъ, біографъ Дилакторскаго. «Это самый важный трудъ П. А., давно уже составляющій библіографическую рѣдкость, такъ какъ отдѣльныхъ оттисковъ было напечатано всего 50 экземпляровъ. Авторъ было приготовлено къ печати и второе изданіе этого труда, съ значительными дополненіями; но П. А. тщетно искалъ издателя. Для этнографовъ этотъ трудъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ въ біографіяхъ авторовъ — вологжанъ, собрана почти вся этнографическая литература о Вологодской губерніи» (См. «Живая Старина». Годъ XX. 1911 г. стр. 500—502). Въ концѣ концовъ скромная, но плодотворная дѣятельность П. А. обратила на себя вниманіе нашего высшаго ученаго учрежденія. Онъ приглашенъ сотрудникомъ издаваемого П-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ «Словаря русскаго языка». Рукопись «Словаря областного вологодскаго нарѣчія» была также пріобрѣтена Академіей. Въ послѣдніе годы своей жизни, переселившись въ С.Пб., покойный служилъ въ сберегательной кассѣ, а также исполнялъ разныя порученія Академіи, справки, выписки и т. п. работы библіографическаго характера. П. А. Дилакторскій умеръ 10 декабря 1910 года отъ простуды; некрологи о немъ появились въ «С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»

1910 г. № 280 и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1911 г. № 1 См. также: С. Венгеровъ. «Источники словаря русскихъ писателей». II. 253.

Когда говоришь о кропотливой добросовѣстности трудовъ П. А. Дилакторскаго невольно приходитъ на умъ другой, правда, еще болѣе скромный работникъ въ той же области, благополучно здравствующій С. А. Ковалевъ, авторъ книжки: «Путеводитель отъ Москвы до Вологды, Архангельска и Соловецкаго монастыря» и др.

Нужно ли навести справку: какія цѣны стояли пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на мѣстномъ рынкѣ, какая пѣса ставилась въ день открытія городского театральнаго сарая, что было въ прѣжнія времена тамъ, гдѣ стоитъ извѣстная общественная будка.—С. А. тутъ какъ тутъ, къ Вашимъ услугамъ, бѣжитъ въ архивъ, роется въ запыленныхъ бумажныхъ кипахъ и начинаетъ ткать, какъ прилежный паучекъ свою кропотливую сѣренькую пряжу

Наконецъ, мнѣ хочется остановиться немного на двухъ квивахъ, въ которыхъ отведено довольно значительное мѣсто самому славному литературному имени нашего края, безвременно погибшему для поэзии и друзей К. Н. Батюшкову. Оба труда принадлежать громкимъ именамъ въ русской литературѣ. Первый: «Поездка въ Кирилло-Бѣлозерской монастырь въ 1847 году» изданъ въ 1850 г. С. П. Шевыревымъ, извѣстнымъ профессоромъ

московскаго университета, журналистомъ и поэтомъ, однимъ изъ эпигоновъ славянофильства. Идеалистъ монархической идеи въ ея чистомъ видѣ, а не какъ ширмы бюрократическаго самовластія, православный безъ подозрѣній, не имѣвшій ни въ ближайшихъ ни въ отдаленныхъ предкахъ ни Амаліи, ни Карла, этотъ литературный противникъ Бѣлинскаго и Герцена въ личныхъ своихъ отношеніяхъ пользовался, однако, всеобщимъ уваженіемъ. Въ книгѣ Шевырева, есть, кромѣ общихъ свѣдѣній о Вологдѣ съ приложенной гравюрой Успенскаго собора, любопытнѣйшія впечатлѣнія автора послѣ свиданія съ больнымъ Батюшковымъ и рисунокъ карандашемъ, изображающій несчастнаго поэта (худенькаго сѣдѣлькаго старичка въ длинномъ сюртукѣ и черномъ высокомъ галстукѣ) сзади, когда онъ «заложивъ по обыкновенію руки за спину, смотритъ изъ окна своей квартиры (нынѣшняя первая женская гимназія) на соборную стѣну. Зарисовать лицо Батюшкова не удалось, потому что поэтъ, обыкновенно молчаливый и тихій, приходилъ въ ярость и вырывалъ бумагу, если случайно замѣчалъ, когда его начинали срисовывать».—Второе изъ названныхъ сочиненій: «По Сѣверо-Западу Россіи». СПб. 1897 г.—также облеченное въ форму описанія путешествія—является плодомъ пера главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника» К. К. Случевского. Из-

данное съ вѣшной стороны очень изящно, обильно иллюстрированное и написанное присущимъ автору легкимъ литературнымъ языкомъ, оно со стороны содержания являетъ, однако, по временамъ при- скорбные слѣды генеральски небрежнаго и поверхностнаго отношенія къ предмету. Чтобы не быть голословнымъ, приведу одну, какъ разъ интересную для насъ, выдержку. На стр. 171 напечатано: «34 года тому назадъ, т. е. въ 1862 году, печально окончилъ свое существованіе нашъ поэтъ Батюшковъ, онъ жилъ тутъ долгое время сумашедшимъ, сначала буйнымъ, потомъ вроткимъ, меланхоличнымъ. Онъ получалъ пенсію» и т. д. Такому видному литератору, какъ К. К. Случевскій, поэту, автору чисто батюшковской по пластикѣ стиха «Статуѣ», совершенно непростительно не знать датъ рожденія и смерти учителя Пушкина. На самомъ дѣлѣ Батюшковъ скончался раньше: именно 7 іюля 1855 года. А что это была не описка, не случайная ошибка автора подтверждается слѣдующимъ окончаніемъ замѣтки о поэтѣ: «въ 1823 году уже, въ Симферополѣ, замѣчево было начало умопомѣшательства. Батюшкова привезли въ Вологду, гдѣ онъ прожилъ послѣ того около сорока лѣтъ».

Такъ пишутся меморіи!

Преемникомъ Батюшкова въ качествѣ поэта—вологжанина является Василій Ивановичъ Красовъ (1810—1855). Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ об-

разованіе въ вологодской семинаріи, откуда, однако, не чувствуя влеченія къ пастырской карьерѣ, поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Стихи писать началъ въ отрочествѣ, а въ университетѣ былъ уже «признаннымъ поэтомъ»: по крайней мѣрѣ на торжественномъ актѣ 1833 года студенческимъ хоромъ исполнялась кантата его сочиненія. Несомнѣнная талантливость натуры Красова обратила на себя вниманіе среди профессоровъ университета, изъ которыхъ онъ особенно близко сошелся съ извѣстнымъ историкомъ Погодинымъ. Именно послѣднему принадлежитъ не совсѣмъ удачная идея сдѣлать изъ нашего поэта служителя строгой и требовательной къ себѣ науки. Пробывъ по окончаніи курса около двухъ лѣтъ преподавателемъ русскаго языка въ Черниговской гимназіи, Красовъ получилъ въ 1837 году приглашеніе занять мѣсто адъюнкта въ университетѣ св. Владимира Любопытно что въ то же самое время въ Петербургѣ подвизался на профессорской кафедрѣ Гоголь и что впечатлѣніе, производимое обоими поэтами на своихъ слушателей было одинаково. И тотъ и другой читали крайне неровно, временами увлекаая за собой аудиторію неподдѣльнымъ пафосомъ, но большей частью — растянута и бессодержательно. Недостатокъ солидной эрудиціи былъ очевиденъ даже для молодыхъ слушателей. Послѣдствія не замедлили сказаться. Уже актовая рѣчь

К. подъ довольно туманнымъ заглавіемъ: «О современномъ направленіи просвѣщенія вообще и преимущественно въ Россіи» не внушала особеннаго довѣрія; представленная же въ 1838 году на соисканіе докторской степени диссертация: «О главномъ направленіи поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературѣ» оказалась несостоятельной и, несмотря на хлопоты вліятельнаго Погодина, не была допущена къ защитѣ. Мнительный и слабохарактерный поэтъ приписалъ свои неудачи интригѣ недоброжелателей, рѣшилъ бросить профессуру и переѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ бѣдно, перебиваясь частными уроками; кажется, пилъ и умеръ въ 1855 году, не оставивъ средствъ на свои похороны. Судьба преслѣдовала К. и послѣ смерти. Единственное изданіе его стихотвореній, принятое П. В. Шейномъ (М. 1860 г.) сгорѣло почти цѣликомъ, не успѣвъ поступить въ продажу. Одинъ изъ очень немногихъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ, представляющій библиографическую рѣдкость, находится у вологжанина-писателя В. И. Тузова (ученика младшаго брата поэта, о которомъ см. ниже). Сравнительно немногочисленные оригинальные стихотворенія Красова не блещутъ яркостью образовъ, красотой формы, но написаны съ задушевною искренностью и простотой. Романъ «Я вновь предъ тобою стою очарованъ» положенъ на музыку и сталъ общеизвѣстнымъ. Настроеніе большинства про-

извѣдѣній поэта тихо-меланхолическое. Красовъ, по характеристикѣ одного изъ своихъ критиковъ, поэтъ рано порванной жизни, не сбывшихся надеждъ юности, обманутыхъ ожиданій». Заслуживаютъ вниманія переводы К. изъ Гете, Гейне, Байрона а также Овидія. Біографія К. составлена проф. Дашкевичемъ («Словарь профессоровъ университета св. Владимира»). Младшій братъ В. И., историкъ Иванъ Ивановичъ Красовъ (1821—1888), въ семидесятыхъ годахъ былъ директоромъ вологодской, а впослѣдствіи псковской гимназій и пользовался репутаціей идеальнаго педагога. Его ученые труды: «О мѣстоположеніи древняго Новгорода», «Разборъ мнѣній о населеніи древняго Новгорода» и др. пользуются признаніемъ.

Изъ беллетристовъ воложанъ первое мѣсто по справедливости слѣдуетъ отвести скончавшемуся въ прошломъ году П. В. Засодимскому. Павелъ Владимировичъ Засодимскій, потомокъ великоустюжскаго священника Льва Яковлевича Володина, автора «Лѣтописи Устюга—Великаго»,*) родился въ названномъ городѣ въ 1843 году въ небогатой дворянской семьѣ. Окончивъ курсъ въ Вологодской гимназій, П. В. поступаетъ слушателемъ въ С.Петербургскій университетъ по юридическому факультету, но скоро, неудовлетворенный юриспруденціей и отдавшійся господствовавшимъ въ то вре-

*) Изданный въ 1765 году.

ми общественнымъ теченіямъ, уходитъ «въ народъ», дѣлается сельскимъ учителемъ. Въ этой послѣдней роли Засодимскій, «былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ интимной жизнью деревенской и городской бѣдоты и проникся горячей любовью къ тѣмъ, по его выраженію, угрюмымъ людямъ, живущимъ въ прохолодъ и проголодъ, для которыхъ жизнь на бѣломъ свѣтѣ представляется не веселѣе вѣчной каторги». Въ 1868 году П. В. дебютировалъ въ народнической беллетристикѣ рассказомъ «Грѣшница» («Дѣло»). Встрѣченный теплымъ пріемомъ передовой критики, онъ печатаетъ тамъ-же рядъ повѣстей и рассказовъ: «Волчиха», «Темныя силы» и др. Читающая Россія знаетъ его «Хронику села Смурина» («Отеч. записки» 1879 г.), «Степныя тайны» («Русск. Богатство» 1886 г.), «По городамъ и весямъ» и проч. Кромѣ этихъ капитальныхъ произведеній З. въ дѣтской литературѣ популярны его «Задумевные рассказы». Въ 1892 году зимой я встрѣтилъ у Карелина проездомъ оставившагося въ Вологдѣ на нѣсколько дней Павла Владимировича. Уже тогда онъ былъ почти совсѣмъ сѣдой, съ курчавой откинутой назадъ шевелюрой, морщинистымъ лбомъ и весьма привлекательными кроткими сѣрыми или голубыми глазами. Именно такимъ мнѣ и представлялся почему-то авторъ этихъ милыхъ «Задумевныхъ рассказовъ». Я помню, что онъ былъ

одѣтъ въ черную бархатную куртку, говорилъ очень мало, все время сидя на диванѣ и съ какимъ то благосклоннымъ любопытствомъ вглядываясь и выслушивая пространные и горячіе монологи хозяина.

Не меньшей извѣстностью пользуются въ дѣтской литературѣ произведенія другого устюжанина (происхожденіемъ зырянина) Александра Васильевича Круглова (род. въ 1853 г. въ В. Устюгѣ, гдѣ отецъ его былъ смотрителемъ народныхъ училищъ, учился, кажется, до 5 класса въ Вологодской гимназіи). Врядъ-ли кто—нибудь изъ дѣтей безъ смѣха и удовольствія читалъ первые рассказы К.: «Иванъ Ивановичъ и его компанія», «Большакъ» и др. Менѣе важны (вѣрнѣе совсѣмъ не важны) его романы и стихотворенія. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» печатались не лишеныя интереса «литературныя воспоминанія» А. В. Необходимо упомянуть еще объ одномъ писателѣ, сдѣлавшемъ хорошій вкладъ въ дѣтскую (сказочную) литературу. Я говорю объ А. А. Брянчанниковѣ, бывшемъ одно время редакторомъ неофиц. части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». «Русскія сказки» А. А. вызвали въ свое время горячія похвалы И. С. Тургенева, предпославшаго нѣсколько строкъ ихъ изданію, и рекомендовались такимъ знатокомъ дѣтской души, какъ покойный педагогъ Н. О. Бунаковъ. А отолій Александровичъ Брянчаниновъ, происходя изъ родовитой дво-

рянской семьи, род. въ началѣ 1839 года въ Вологдѣ. Послѣ тщательнаго домашняго воспитанія поступилъ въ инженерное училище, а затѣмъ въ николаевскую инженерную Академію, которую отлично окончилъ дватцати лѣтъ и былъ принятъ на службу въ лейбъ-гвардіи Стрѣлковый Его Величество баталіонъ. Въ 1862 г. послѣ смерти отца перешелъ на службу въ только что вступившій въ жизнь мировой учрежденія освободительной эпохи, сначала кандидатомъ мировыхъ посредниковъ, затѣмъ послѣдовательно: членомъ Вологодскихъ мировыхъ сѣздовъ, мировымъ судьей и непремѣннымъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Съ 1884 г. по 1904 г. состоялъ непремѣннымъ членомъ Вологодскаго Губернскаго Присутствія. Въ 1904 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Литературой А. А. занимается съ 17 лѣтъ, сперва въ качествѣ переводчика съ новыхъ языковъ, а въ 1859 году выступаетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» съ очеркомъ «Счасть въ туманѣ». Затѣмъ его произведенія появляются въ «Русск. Вѣстн.», «Сынѣ Отечества», «Московскомъ Обозрѣніи», «Орловскомъ Вѣстникѣ», «Петерб. Жизни» и др. Многія вещи были переизданы отдѣльно. Предполагая въ будущемъ дать особый очеркъ, посвященный писательской дѣятельности А. А. Брянчанинова, я пока ограничусь указаніемъ на то,

что несмотря на извѣстную окраску нѣкоторыхъ его произведеній, (преимущественно впрочемъ послѣдняго времени), чисто художественная сторона дарованія обезпечивала автору мѣсто въ столь трудно-доступномъ органѣ, какъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова, гдѣ именно въ эти годы печатались монументальныя созданія Л. Толстого и Достоевскаго.

Двѣ писательницы: Н. З. Засѣцкая (род. въ сороковыхъ годахъ) и Е. Д. Ильина (род. въ 1850 г.), проявившая интенсивную литературно-издательскую дѣятельность за послѣдніе годы, также заслуживаютъ признательности подрастающаго поколѣвія. Я припоминаю лестный отзывъ И. А. Салова на рукописи одного изъ произведеній Н. З. Засѣцкой, которая, кромѣ дѣтской беллетристики, занималась опытами въ области «дѣтскаго театра», но далеко не такъ удачно: въ отдѣлѣ критики и библіографіи «Русской Мысли» піески Засѣцкой, надуманныя и слащавыя, подверглись болѣе чѣмъ, какъ говорится, основательному разбору. Дѣтскія беллетристическія произведенія Е. Д. Ильиной отмѣчены справедливыми похвалами спеціальной критики.

«Вологжанинъ» Дилакторскаго открывается «сценами въ четырехъ дѣйствіяхъ» *Грѣхъ по невѣдѣнію или Поучили* К. А. Четверухина съ предославными пмъ тощими, собранными на скорую руку матеріалами для біографіи покойнаго писателя. Кон-

стантинъ Александровичъ Четверухинъ, сынъ протоіерея Вологодской Глинковской церкви, родился въ іюлѣ 1848 года. Не отличаясь съ дѣтства крѣпкимъ здоровьемъ, что объясняется до извѣстной степени крупнымъ физическимъ недостаткомъ, К. А. поздно поступилъ въ мѣстное Духовное училище; однако учился отлично и на шестнадцатомъ году уже перешелъ въ Духовную семинарію, которую окончилъ въ 1870 г. въ числѣ первыхъ учениковъ. Имѣя всѣ шансы попасть послѣ обычнаго конкурса сочиненій на казенный коштъ въ Академію, потому что *писательскій даръ* К. А. былъ стѣсненъ еще въ рецензіяхъ преподавателей, онъ по непонятнымъ причинамъ предпочелъ поступить учителемъ латинскаго языка въ младшіе классы Вологодскаго Духовнаго училища. Прослуживъ здѣсь около десяти лѣтъ онъ вышелъ въ отставку «по разстроенному здоровью» и посвятилъ себя всецѣло литературной дѣятельности, начавъ таковую робкими шагами, въ качествѣ безымяннаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей». Первые беллетристическія произведенія К. А. повѣсть «Отъ семейнаго очага» (1881—3 г.г.) и разсказъ «Врачъ и пациентка» по волѣ застѣнчиваго автора такъ и не увидѣли свѣта. (Даты привожу по упомянутому выше перечню, составленному Н. А. Дилакторскимъ). Разсказъ «Шабашъ», вылеживавшійся въ столѣ автора, если судить по помѣтамъ,

три года, появился въ августовской «Книжкѣ Недѣли» 1886 г. за подписью Б. Рухинъ. За нимъ уже въ 1888 году послѣдовали: бытовой очеркъ «Двадцатое число» («Сынъ Отечества») и комедія «Пропащая» («Колосъ» №№ 7—8). Вотъ, кажется, и все, что рѣшился предать печатанію К. А., если не считать мелкихъ юмористическихъ шутокъ, посылавшихся преимущественно въ «Осколки». Зимой 1889 года пьеса «Грѣхъ по невѣдѣнію» была поставлена на сценѣ Вологодскаго театра, разыграна дружно артистами труппы Наболова подъ личнымъ режиссерствомъ автора, при чемъ послѣдній послѣ третьяго и четвертаго дѣйствій былъ вызванъ шумно аплодировавшей, къ сожалѣнію немногочисленной публикой. Эта пьеса, задуманная на избитый сюжетъ столкновенія молодой сельской интеллигенціи (студентъ-медики, пріѣхавшій на каникулы въ деревню, фельдшеръ, учительница) съ представителями «темныхъ силъ» (деревенскій кулакъ, волостной писарь), трактованная очень наивно, — все же носитъ слѣды непосредственной наблюдательности автора и изложена живымъ, несомнѣнно подслушаннымъ, народнымъ языкомъ — Какъ симпатично отличаются эти безхитростные, но и дѣльные, мелкіе вклады въ родную литературу и отъ современныхъ еамъ «сбразцовъ» спекулированнаго на пресыщенности интеллигенціи полового извращенія

и отъ забавно-печальныхъ пощытокъ иныхъ Прометейчиковъ, забирающихся, да еще прозой, въ ту область, которая властно отмежевана себѣ могучими талантами автора книги Іовт, Эсхила или Шелли!—Послѣднее по времени (1890 г.) драматическое произведеніе К. А. Четверухина «Художникъ—рабъ» (въ четырехъ дѣйствіяхъ) застряло въ портфель тогдашней бабшки—цензуры и, какъ будто, не сохранилось среди остальныхъ черновыхъ бумагъ покойнаго.

К. А. скончался 27 января 1891 года отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ, не оставивъ послѣ себя ничего кромѣ ящика рукописей, переданныхъ впослѣдствіи братомъ его П. А. Дилакторскому.

Кромѣ К. А. Четверухина на поприщѣ драматургіи, изъ вологжанъ подвизался, правда, не вполне самостоятельно, П. А. Обнорскій, инсценировки котораго также находили пріютъ на вологодскомъ театрѣ. Павелъ Александровичъ Обнорскій (род. въ 1844 году, происхожденіемъ изъ служилыхъ дворянъ вологодской губерніи, учился нѣкоторое время въ мѣстной гимназій) былъ основателемъ перваго частнаго періодическаго изданія въ г. Вологдѣ, хотя и подъ мало обѣщающимъ заглавіемъ «Вологодскій Листокъ Объявленій». Этотъ Обнорскій, подобно Карелину, былъ тоже въ своемъ родѣ беспокойная, пренеполненная разнообразныхъ затѣй, натура, конечно съ меньшимъ масштабомъ даро-

ваній и ресурсовъ образованія. Получивъ около половины восьмидесятыхъ годовъ небольшое наслѣдство, онъ открылъ въ Вологдѣ публичную библіотеку. Благодаря халатному веденію дѣла, составлявшему вообще преобладающую черту характера Обнорскаго, предприятие принесло убытки. Не говоря уже о томъ, что спросъ на книгу въ Вологдѣ былъ въ тѣ времена вообще не великъ, что, какъ разъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прогрессивная періодическая печать подверглась разгрому гр. Д. Толстого и Побѣдовосцева («Отечественныя Записки», «Дѣло» «Слово», «Русская Рѣчь», «Голосъ» и мн. др.), въ самой постановкѣ библіотеки и кабинета для чтенія были курьезные премахи: выписывалось нѣсколько дорогихъ заграничныхъ изданій и не было на лицо самыхъ ходовыхъ книгъ; на обращеніе подписчиковъ съ книгами, рисунками, портретами совершенно не смотрѣли, наконецъ библіотека по частямъ раскрадывалась... хотя и продолжала влачить бѣдственное существованіе до самой смерти владѣльца. Такъ какъ библіотечное дѣло оставляло много досуга, то предприимчивость Обнорскаго стала искать новыхъ сферъ дѣятельности; деньги, кстати, еще не были, кажется, совершенно истрачены, и онъ задумываетъ изданіе ежедневной газеты.хлопоты Обнорскаго о разрѣшеніи ему выпускать газету, однако, не увѣчались успѣхомъ и, что любопытное всего, от-

нюдь не по мотивамъ административно-политическаго характера. Если у Гоголя городничій упрекаетъ судью неблагонадежностью на томъ основаніи, что онъ «и въ церковь не ходитъ, и въ Бога не вѣруетъ», то ужъ никакъ нельзя было-бы сказать этого про покойнаго Обнорскаго, по самой природѣ своей чуждаго «вольтеріанства» и даже собственноручно не вѣдомо для чего составившаго, въ довольно дубовыхъ виршахъ, переложеніе воскресныхъ евангелій. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что въ еще недалекія отъ насъ времена, попечительное начальство находило для себя возможнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о матеріальной состоятельности литературныхъ предпріятій! Трогательно, и до смѣшнаго: во фактъ! Оно-такова подоплека-заботилось объ интересахъ будущихъ подписчиковъ: достаточно-ли гарантированы они, что издатель, собравъ денежки, не удеретъ съ ними за предѣлы досягаемости полицейской власти; а такъ какъ никакихъ залоговъ по закону затребовать было нельзя, то вся процедура «разрѣшенія», зависѣвшая отъ усмотрѣнія и отзыва мѣстнаго начальства для опытныхъ людей заранѣе являлась комедіей. Губернскому начальству просто не хотѣлось новой для себя обузы въ видѣ цензурованія ежедневнаго изданія, съ опаской промигать и «пропустить» нечаянно какую-нибудь для самого-же себя неприятную «вылазку» и, тамъ хоть хлопочи объ

изданіи, блаженный Θεодоритъ, неблаго-надежность его и несостоятельность за-ранѣе обезпечены! Впрочемъ въ извѣстной книгѣ «Очерки по исторіи русской цензуры А. М. Скабичевского читатель найдетъ факты еще болѣе печальные и характерныя для «знаменія временъ». Такимъ образомъ и П. А. Обнорскому пришлось ограничиться изданіемъ «Листка объявленій», выходившаго по мѣрѣ накопленія послѣднихъ 1—2 раза въ недѣлю и расклеивавшагося на щитахъ и заборахъ. Послѣ смерти основателя (П. А. Обнорскій умеръ въ декабрѣ 1892 года отъ кровоизліянія въ мозгу) право изданія «Листка» было уступлено вдовой покойнаго владѣльцамъ типографіи бр. Гудковымъ-Бѣляковымъ, которые впрочемъ осуществляли его очень недолго.

Въ области оригинальной поэзи за два послѣднія десятилѣтія появились произведенія Савинова и Чернобаева. Θεодосій Петровичъ Савиновъ родился во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ г. Тотмѣ въ семьѣ бѣднаго полицейскаго чиновника. Съ большими трудами родителямъ удалось дать образованіе своимъ даровитымъ сыновьямъ, изъ которыхъ старшій — Михаилъ Петровичъ*), (род. въ 1863 г.), блестяще окончивъ Вологодскую

*] Хотя въ «В. Г. В.» за 1899 г. я астрѣтилъ одно стихотвореніе и нѣсколько критическихъ замѣтокъ М. П., между прочимъ по поводу Пушкинскаго юбилея, однако, въ виду бѣдности имѣющагося у меня матеріала, не могъ отвести боль-

гимназію и Харьковскій университетъ по историко - филологическому факультету, былъ оставленъ при послѣднемъ для подготовленія къ профессорскому званію и въ настоящее время занимаетъ кафедру сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритской литературы. Θεодосій Петровичъ учился также въ Вологодской гимназіи, но вышелъ изъ нея за годъ до окончанія курса. Повидимому онъ питалъ весьма малое расположеніе къ древнимъ языкамъ и совершенно не питалъ такового въ математикѣ. Писать стихи началъ, какъ водится, въ младшихъ классахъ гимназіи. Послѣ неудачной попытки устроить себѣ военскую карьеру—около года Θ. П. пробывъ въ юнкерскомъ училищѣ—онъ поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ вологодскаго губернскаго правленія, а затѣмъ исполнялъ обязанности дѣлопроизводителя дѣтскихъ приютовъ. Трудно предполагать, чтобы служба гражданская могла удовлетворять живого и остроумнаго юношу; онъ верѣдко манкировалъ ею. Въ то же время по рукамъ сослуживцевъ Θ. П. ходили болѣе или менѣе мѣткія эпиграммы его и на свое непосредственное начальство и на весь близко знакомый ему губернский Олимпъ. Въ 1891 году въ Мо-

шое мѣсто Савинову—старшему въ текстѣ своихъ очерковъ, что, можетъ быть и заслуживаетъ извиненія, ибо вся научная и литературная дѣятельность М. П. протекаетъ въ г. Харьковѣ и связана тѣсно съ мѣстной прессой.

сквѣ скончался вологодскій губернаторъ М. Н. Кормилицынъ, довольно снисходительно смотрѣвшій на «шалости» подчиненнаго поэта, и это обстоятельство послужило нечаянной причиной выхода Савинова въ отставку «безъ пенсіи и мундира». Былъ-ли онъ до растерянности огорченъ смертью благоволившаго къ нему начальника или наоборотъ находился въ это время въ веселомъ—почему бы то ни было—расположеніи духа, но только поэтъ позволилъ себѣ продѣлать непозволительный съ точки зрѣнія чиновнической дисциплины кунштюкъ. Въ одинъ прекрасный день всѣ мѣстныя власти во главѣ съ вице-губернаторомъ А. П. Лапшой-Старженецкимъ, не терпѣвшимъ и безъ того Савинова, получили составленное послѣднимъ, по собственной инициативѣ, официальное приглашеніе пожаловать въ кафедральный соборъ на панихиду по скончавшемуся губернаторѣ. День былъ кажется выбранъ проказникомъ нарочито будничнымъ, когда во всѣхъ канцеляріяхъ ключемъ кипѣла, такъ сказать, самая плодотворная чернильная работа. За эту *импровизацію* поэтъ былъ посаженъ вице-губернаторомъ подъ арестъ на трое сутокъ, въ теченіе которыхъ и сочинилъ отъ обиды и отъ *нечего дѣлать* обстоятельную сатирическую поэму, разошедшуюся по городу въ рукописи подъ именемъ «Савиніады». Поэма содержала рѣзкую критику губернскихъ порядковъ, была переполнена пикантными «лич-

ностями» и исключала всякую возможность преуспѣнія О. П. на службѣ. Выйдя въ отставку, онъ перѣхалъ въ Москву и лѣтъ восемь служилъ клеркомъ у разныхъ нотариусовъ. На частной службѣ С. тоже не особенно везло: онъ перемѣнилъ нѣсколько конторъ, получая вездѣ незначительное вознагражденіе и наконецъ остался совсѣмъ безъ мѣста. Къ этому времени относится *второе* изданіе его стихотвореній. (Первое, вышедшее въ Вологдѣ, въ 1888 году, по предварительной подпискѣ, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, разошлось безъ остатка). Савиновъ дебютировалъ въ печати стихотвореніемъ «Передъ толпой», появившемся въ «Иллюстрированномъ Мірѣ» за 1885 г. (№ 10). Съ этого времени его произведенія охотно помѣщались, кромѣ «И. М.» во «Всемирной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Русскомъ Обозрѣніи», «Русской Мысли» и др.

И все-же появленіе на литературномъ рынкѣ *собранія* стихотвореній Савинова прошло совершенно незамѣченнымъ: изящно изданная книга съ виньеткой на обложкѣ работы пріятеля-художника лежала въ витринахъ и на полкахъ столичныхъ магазиновъ, затѣмъ была убрана и.. осталась у автора. Не было рецензій даже въ тѣхъ журналахъ, гдѣ онъ самъ нерѣдко печатался. Крайняя матеріальная нужда, горькое сознаніе полнаго одиночества, проникающее лирику Савинова

и наконецъ фіаско давно взлелеяннаго въ мечтахъ изданія стиховъ—все это поколебало душевное равновѣсіе поэта. Въ началѣ девяностыхъ годовъ родные перевезли О. П. въ Вологду и помѣстили въ психіатрическую лечебницу, гдѣ у него были константированы явленія прогрессивнаго паралича. Онъ до сихъ поръ страдаетъ печальное существованіе, не узнавая даже близкихъ, кромѣ матери старушки и не подавая, конечно, никакихъ надеждъ на выздоровленіе.

Поэзія Савинова не богата мотивами. Въ душѣ поэта постоянно борются между собою два совершенно противоположныхъ настроенія. Бодрящій призывъ къ труду, свѣтлые гимны счастью, молодости, свободѣ, наукѣ, смѣняются безнадежнымъ уныніемъ, тоской разбитой, неудавшейся жизни, сочувствіемъ въ конечномъ торжествѣ добра.—Въ общемъ стихъ С. довольно легокъ и плавенъ. Къ сожалѣнію въ-которыя недурныя по замыслу лирическія вещицы испорчены, по моему, просто небрежностью (напр. несоотвѣтствіемъ ритмическаго ударенія съ грамматическимъ: приходится читать—моёго, трюю и пр.), стеченіемъ согласныхъ, избыточностью или неполнотой рифмы, однообразіемъ эпитетовъ. Безнадежно стары образы, сравненія и антитезы автора. Съ другой стороны—несомнѣнная искренность, теплота чувства, отсутствіе претенціозности—качества, выгодно отличающія нашего

поэта отъ большинства современныхъ версификаторовъ модернистскаго толка. Изъ всей массы стихотвореній юмористическаго жанра, въ теченіе многихъ лѣтъ находившихъ пріютъ въ «Будильникѣ» и «Развлеченіи», въ сборникъ вошли очень немногія (см. «Восточная мудрость» стр. 27 и слѣд.) и при томъ ничуть не лучшія Чѣмъ руководился авторъ при выборѣ именно этихъ вещей—неизвѣстно. Можетъ быть болѣшими правами на оригинальность?

Въ началѣ 1905 года на петербургскій книжный рынокъ поступилъ сборникъ стихотвореній другого поэта вологжанина Е. И. Чернобаева: *Евгеній Чернобаевъ. Стихи. Книгоиздательство «Парма». СПб. Цѣна 60 коп.* Евгеній Ивановичъ Чернобаевъ род. въ 1869 г. Въ отроческомъ возрастѣ онъ лишился отца, служившаго землемѣромъ и случайно убитого своимъ товарищемъ, неосторожно зачѣвшимъ заряженное ружье. Несомнѣнно это трагическое событіе и тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя попала семья покойнаго, состоявшая изъ шести человѣкъ, наложили, какъ мы и увидимъ, неизгладимый отпечатокъ на впечатлительную натуру даровитаго мальчика. Непонятно какимъ чудомъ молодой вдовѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ, удалось дать возможность двумъ старшимъ дѣтямъ продолжать среднее образованіе. Въ гимназій Ч. обнаружилъ большія способности къ древнимъ языкамъ и родной

литературѣ. Не надо забывать, что это было въ самый разгаръ лжеклассической вакханалии министерства русскаго просвѣщенія, когда не безсмертныя формы греческаго искусства, ни тѣмъ болѣе гражданскіе подвиги Брута и другихъ великихъ народолюбцевъ должны были заполнить воображеніе и воспитать идеи гражданского долга у подросткающаго поколѣнія, но бессмысленная долбежка грамматическихъ исключеній, тысячей синтаксическихъ тонкостей, терпѣливо отысканныхъ тупоголовыми чешско-нѣмецкими учеными колпаками—имѣли въ виду наоборотъ у б и т ь д у ш у ж и в у, заполнить драгоцѣнные школьные годы, отвлечь отъ проклятыхъ вопросовъ, настойчиво, какъ весенняя зелень, пробивающихся въ пытливыхъ умахъ юности.

Счастливая память юноши легко справлялась съ хитросплетеніями греческаго синтаксиса, но, увы, оказалась безсильной передъ ариѳметикой: наука лавочниковъ не давалась ему совершенно. Не помогли горю ни неизмѣнно полные баллы за русскія сочиненія, ни даже оцѣненные по достоинству успѣхи въ древнихъ языкахъ: гимназію пришлось оставить въ среднихъ классахъ, и скоро нашъ поэтъ мѣняетъ, такъ сказать *ut finale* на *ut chorale*,*) становясь церковнымъ пѣвчимъ. Известна обстановка этой послѣдней профессіи,

*) Игра словъ: *ut finale*—названіе союза въ лат. граматикѣ, *ut chorale*—нота *do*. Прим. ред.

(особенно въ провинціи), съ ея доходами, неизмѣнной дѣлежкой въ чайныхъ и трактирахъ, съ ея средой, иногда на половину состоящей изъ «бывшихъ людей». Все это съ одной стороны давало, конечно, извѣстный матеріалъ для наблюденія, но вообще ставило Ч. въ условія совсѣмъ неблагоприятныя для серьезной работы и творчества. Къ этому времени относится литературный дебютъ Ч.: въ «Родинѣ» за 1891 годъ появляется первое печатное лирическое стихотвореніе Е. И., а черезъ три года въ 1894 г. его имя попадаетъ уже на страницы солиднаго «Сѣвернаго Вѣстника». Вскорѣ въ судьбѣ поэта принимаютъ хлопотливое участіе нѣкоторые изъ его друзей, живущіе въ Петербургѣ, и помогаютъ ему «выбраться изъ вологодской тины»: онъ получаетъ мѣсто въ управленіи желѣзныхъ дорогъ и съ 1897 года почти безвыѣздно живетъ въ столицѣ. Когда въ половинѣ девяностыхъ годовъ неутомимый К. О. Жаковъ организуетъ *сѣверное* книгоиздательство «Парма» (з ы р.—обозначаетъ дремучій, непреходимый лѣсъ), то одною изъ первыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ книгъ и былъ упомянутый сборникъ оригинальных и переводныхъ стихотвореній Чернова. Я уже писалъ, что общее впечатленіе, оставляемое лирой Ч., сѣроватое. Преобладающій характеръ его произведеній—мрачно элегическій. У поэта несомнѣнно есть *настроение*, но въ то же время

встрѣчаются цѣлыя тирады головныхъ, придуманныхъ стиховъ; есть отдѣльныя счастливыя выраженія, но на одно—десять избитыхъ пріѣвшихся образовъ, сравненій, эпитетовъ. Размѣры заѣзжены, какъ всевѣнная колея. Что касается переводовъ, то большинство ихъ отличается чистотой стихотворной отдѣлки и звучностью, а со стороны *выбора*—вкусомъ. Кромѣ «Майскаго Эхо» польской поэтессы Маріи Конопницкой и «Иѣсенъ о тростникѣ» Ленау есть переводы отдѣльныхъ стихотвореній Казимира Тетмайера и Гейбеля. Подобно савиновскому сборнику отдѣльное изданіе лирики Чернобаева не было *замѣчено*. Повидимому это обстоятельство сильно угнетало автора, стиховъ его совѣзмъ не появляется въ современныхъ журналахъ; передавали, что онъ пересталъ-не то писать (!), не то дѣлиться новыми вдохновеніями даже съ самыми короткими друзьями. Это ужъ немного странно. Что за бѣда, если его поэзія не совпала съ послѣдними вѣяніями времени и у широкой публики, воспитанной на самозванческой рекламѣ, преимущественный спросъ на творенія Блока, Рукавишникова, Андрея Бѣлаго, какого-то Саши Чернаго и другихъ озорниковъ или гаеровъ текущей поэтической литературы? Можно припомнить въ исторіи литературы примѣры еще ярче. Всего нѣсколько десятилѣтій прошло отъ той эпохи, которая не поняла и не приняла геніальныхъ откоро-

веніи Тютчевской поэзіи, а въ перлъ созданія возвела пестрядиную музу автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Да и вообще, что это за поэты, г. Чернобаевъ, которымъ нужно вепремѣнно получить отъ критики на худой конецъ четыре съ минусомъ? Вы забыли прекрасное сравненіе любимого Вами, небольшого, но все-же самого настоящего поэта, Надсона: «Эолова арфа должна зазвучать, если вихрь по струнамъ ея мчится» и далѣе: не можетъ не свергаться въ долину ручей, «если солнцѣ потоками вѣшнихъ лучей растопило снѣга на вершинѣ»?

Не менѣе многочисленна группа литераторовъ — «невольныхъ» гостей холодного вологодскаго края. Объ одномъ изъ нихъ, Соколовскомъ, рѣчь была выше.

Нѣсколько ранѣе, въ 1836—7 годахъ проживалъ въ Усть Сысольскѣ извѣстный критикъ и журналистъ проф. Моск. университета Н. И. Надеждинъ (1805—1856), сосланный сюда за напечатаніе имъ въ «Телескопѣ» знаменитаго «Философическаго письма» Чаадаева.

Какъ извѣстно въ этомъ письмѣ отразился крайній до рѣзкости взглядъ одной части русскаго общества на Россію, «какъ на страну варварскую, лишенную всякихъ культурныхъ преданій», «письмо» проникнуто мрачными сомнѣніями въ настоящемъ и будущемъ православной Россіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (уже послѣ смерти автора) въ Парижѣ бы

ли изданы на французскомъ языкѣ еще четыре философскихъ письма Ч. и «Апология сумашедшаго», въ которыхъ авторъ пытается оправдаться передъ негодующимъ русскимъ обществомъ и значительно смягчаетъ рѣзкость своихъ суждений, но впечатлѣніе *перваго* письма было потрясающимъ и сдѣлало невозможнымъ возвращеніе Ч. на родину.

Въ концѣ 1864 года въ вологодскую губернію былъ посланъ Н. В. Шелгуновъ (1824—1891) талантливый, высоко честный публицистъ-шестидесятникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ М. Михайловымъ и перепискѣ съ разжалованнымъ рядовымъ Костомаровымъ. Шелгунова, получившаго извѣстность своими специальными работами по лѣсоводству и занимавшаго видное мѣсто начальника отдѣленія лѣсного департамента, связывала самая тѣсная дружба съ нашимъ лучшимъ непревзойденнымъ переводчикомъ Гейне, авторомъ «Перелетныхъ птицъ». Выйдя въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ отставку въ чинѣ полковника, онъ имѣлъ мужество провожать своего злополучнаго больного друга отъ Петербурга до самыхъ перчинскихъ рудниковъ. Обстоятельство это было учтено, кѣмъ слѣдуетъ, и вотъ во время ссылки Шелгуновъ испыталъ вѣчто въ родѣ «хожденія по мукамъ», странствуя изъ города въ городъ, изъ Тотмы въ Устюгъ, Никольскъ, Кадниковъ и, нако-

нецъ, въ Вологду, откуда, въ 1869 году, ему удалось выхлопотать разрѣшеніе для переѣзда въ Калугу. Шелгунова смѣнилъ П. А. Лавровъ (род. въ 1823 году), извѣстный философъ позитивистъ, который, однако, вскорѣ (въ концѣ 1869 г.) бѣжалъ изъ ссылки за границу и былъ тамъ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей русской политической колоніи, редактируя социалистическія изданія, предназначенныя для распространенія въ Россіи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ вологодскую губернію былъ сосланъ Лопатинъ, а въ 1889 году въ Яренскѣ была водворена, за откровенное «открытое письмо къ Императору Александру III», М. К. Цебрикова (род. въ 1835 г.), извѣстная своими превосходными этюдами о западно-европейскихъ писателяхъ, статьями по женскому вопросу, педагогикѣ и др. Въ 1892 г. она получила возможность выѣхать въ свое имѣніе въ Смоленскую губернію.

Наконецъ, не такъ давно, жили въ Вологдѣ А. В. Амфиатовъ, остроумный фельетовистъ, но черезъ чуръ неосторожный любитель генеалогіи и геральдики, П. Е. Щеголевъ, редакторъ «Былого», А. А. Богдановъ (Малиновскій) авт. «Кр. курса политич. экономіи», «Истор. взгляда на природу», «О познаніи» и др., Н. А. Бердяевъ, А. В. Луначарскій, С. А. Суворовъ, Ремизовъ и др.

Въ восьмидесятихъ годахъ А. А. Тарутинымъ и И. Я. Львовымъ были предприняемы шаги для основанія общественно-литературной газеты въ Великомъ Устюгѣ, но дѣло кончилось, какъ и въ Вологдѣ, безуспѣшно.

Въ концѣ 1898 года П. А. Дилакторскій обратился къ незадолго до того назначенному вологодскому губернатору гр. А. А. Мусину-Пушкину съ просьбой о содѣйствіи задуманному имъ изданію. Графъ, кажется, не отвѣчалъ явнымъ отказомъ, но совѣтовалъ обождать немного, съ цѣлю убоѣдиться — нелзя ли будетъ слить воедино намѣченное имъ расширеніе программы мѣстныхъ оффиціальныхъ вѣдомостей съ изданіемъ Дилакторскаго.

1-го января 1899 года вышелъ 1 № обновленныхъ ежедневной неоффиціальной частью «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» подъ редакціей В. И. Бѣляева, впослѣствіи председателя усть-сысольской земской управы.

Газета выходила шесть разъ въ недѣлю; подписная цѣна была назначена—6 р. въ годъ. Дѣло это было начато въ общемъ безтолково. Газета—открыла трудную компанію... безъ сотрудниковъ.

И не только не озаботились своевременнымъ личнымъ приглашеніемъ мѣстныхъ литературныхъ силъ, во въ аншлагъ о выходѣ газеты не prorонили ни зву-

ка, хотя бы о ничтожномъ гонорарѣ за сотрудничество.

Извѣстно, что чистый дивидендъ губернской типографіи шелъ на награды лицамъ, какъ или иначе прикосновеннымъ къ губернскому правленію, а часто и вовсе неприкосновеннымъ. Отсюда могла получиться курьезная нелѣпость: въ случаѣ удачи газеты, вологодскіе литераторы стали бы работать безвозмездно на пользу вологодскихъ чиновниковъ. Послѣдніе предвидѣли, впрочемъ, провалъ газеты и, естественное отсюда обремененіе типографіи расходами, не имѣющими окупиться, и по сему смотрѣли на предпріятіе графа, какъ на бесполезную, а самые строгіе по взглядамъ, — даже какъ на вредную затѣю. Для гарантіи достаточнаго числа подписчиковъ, впрочемъ, была принята оригинальная, въ двадцатомъ вѣкѣ отзывающаяся анахронизмомъ, мѣра. Собираніе и привлеченіе подписки (вѣрнѣе, къ подпискѣ) было возложено на околъ точныхъ надзирателей, каковые и посѣтили съ означенной цѣлью всѣ безъ изъятія вологодскія торгово-промышленныя заведенія.

Первый редакторъ ежедневныхъ «Вѣдомостей», специалистъ земскаго дѣла, В. И. Бѣляевъ, влеченія къ литературной дѣятельности отнюдь не имѣлъ и согласился занять кресло надъ редакторской корзиной исключительно въ силу настойчивыхъ просьбъ и стараго знакомства съ графомъ.

Все вышесказанное предвѣщало мало хорошаго.

Началось съ агентскихъ телеграммъ. Послѣднія, въ виду незванія большинствомъ телеграфистовъ иностранныхъ языковъ, носили прямо символическій характеръ: названія газетъ географическія обозначенія, имена, фамиліи, все это-записанное русскими буквами и неузнаваемо-искаженное—было порою подъ стать скорѣе всего, какому нибудь ассирологу. Мѣстами встрѣчалась настоящая юмористика. Напр. телеграмма о какихъ-то уличныхъ беспорядкахъ въ Парижѣ гласила: (русскими буквами) «всѣ на площади кричали: «а ба камло» (т. е. долей газетныхъ разнощиковъ!) а въ газетѣ печаталось: «всѣ на площади кричали: а ба кюлотъ (т. е. снимайте панталоны!) Смѣху было достаточно.

Первые мѣсяцы своего существованія газета поражала бѣдностью содержанія. Приходило съ досады на умъ, что редакторъ не только за перо, но даже и за ножницы не имѣетъ расположенія взяться, какъ слѣдуетъ. Кое-какое оживленіе вносили бойкіе фельетоны Комара (А. Н. Бунакова, сына педагога). Лѣтомъ я познакомился съ В. И. Бѣляевымъ и получилъ предложеніе сотрудничать. Было условлено, что раза два въ недѣлю мною будутъ присылаться передовицы: домъ началъ красить съ крыльца.

Здѣсь я долженъ напомнить, что преобразование «Вѣдомостей» въ газету вызвало въ извѣстномъ кругу чиновниковъ

глухое недовольство. Вице-губернаторъ А. П. Лаппа-Старженецкій открыто называлъ реформу «Вѣдомостей» п у с т ы м ъ д ѣ л о м ъ и на отрѣзъ отказался цензурировать несимпатичную ему газету. Графъ назначилъ цензоромъ правителя канцеляріи П. А. Евстратова (кандидата историко,—филологическаго факультета). Первые двѣ мои передовицы прошли гладко но съ третьей вышло уморительное, пера Гоголя достойное, приключеніе. Случилось, что графъ былъ въ отпуску, за границей, а въ это время телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти эксъ-короля Милана. Дорошевичъ написалъ язвительную статью, гдѣ «по поводу» покойника говорилъ о тяжеломъ положеніи печати. «Я мысленно благодарю его за все свое благосостояніе, шутилъ блестящій фельетонистъ, за этотъ столъ, за эту этажерку. Они его, Милана. Когда ни о чемъ нельзя было писать, я бралъ перо и отводилъ душу на Миланѣ» и т. д.

Соотвѣтственныя воспоминанія о дѣятельности покойнаго короля были помѣщены вездѣ, не исключая «Правительственнаго Вѣстника».

Я сдѣлалъ кое какія справки въ «Брокгаузѣ» и написалъ большой фельетонъ, посвященный исторіи Сербіи, начиная съ 1874 года: разумѣется, Милану было воздано должное. Вечеромъ сдалъ свой «трудъ» въ типографію, а на другой день утромъ прихожу къ редактору. Номера нѣтъ. Зво-

нимъ въ типографію. Отвѣчаютъ со смѣхомъ: наборъ разсыпался. Что за притча? Наконецъ съ опозданіемъ на два часа противъ обычнаго времени появляется типографскій разсылный. Смотримъ на первоначальный оттискъ и глазамъ не вѣримъ. Весь фельетонъ о Миланѣ зачеркнутъ синимъ карандашемъ и внизу написано: «печатать не дозволяю. И. д. губернатора Лаппа». Редакторъ пожалъ плечами, но «отстаивать» статью не поѣхалъ. Оказалось, что управляющій губернской типографіей, человекъ стараго закала и ветхозавѣтныхъ убѣжденій, былъ пораженъ появленіемъ на столбцахъ «кавеннаго изданія» жизнеописанія Миланова съ его любовными связями, столь печально отражавшимися на дѣлахъ страны, съ кутежами и игрой, отказомъ за деньги отъ престола и пр. Едва дождавшись утра, онъ взялъ извозчика, и поѣхалъ не къ цензору, про котораго былъ увѣренъ, что онъ «за одно со студентами» а прямо къ вице-губернатору. Инкриминируемая статья была, конечно, съ великимъ удовольствіемъ зачеркнута. Я отправилъ статью и вырѣзки изъ другихъ газетъ, въ томъ числѣ «Правительственнаго Вѣстника», къ губернатору.

Графъ не менѣе другихъ былъ удивленъ злостной комедіей. Онъ вскорѣ возвратился, но время ушло и газетная статья утратила свѣжесть и свой летучій интересъ.

Осенью 1899 года В. И. Бѣляевъ получилъ другое назначеніе и фактически редакторомъ остался я. Мало по малу газета расправляла крылья. Сначала пришлось орудовать съ «вырѣзками». Выбиралось все «интересное» изъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ изданій и всему матеріалу было дано вполне определенное «направленіе». На приглашеніе сотрудничать (бесплатно: ибо рискнуть типографскими доходами въ виду упомянутаго отношенія чиновничества, значило наживать новыя непріятности) откликнулись нѣкоторые вологжане-писатели. Стала увеличиваться подписка и притокъ частныхъ объявленій. Дѣло, по видимому, налаживалось...

Обстоятельства, однако, круто перевернули всѣ редакціонные планы, расчеты и надежды 18 октября на «городскомъ» обѣдѣ по случаю чтимаго въ Вологдѣ дня памяти св. евангелиста Луки, связаннаго съ построеніемъ Спасо-Всеградскаго собора, произошелъ общеизвѣстный конфликтъ между гр. Мусинымъ Пушкинымъ и нѣкоторыми представителями купечества. Не стоитъ повторять детально этой грустной исторіи. Въ принципѣ графъ былъ глубоко правъ, отстаивая праздничный отдыхъ для служащихъ, т. е. то, что сейчасъ стало совершившимся фактомъ, но выраженія, въ которыя вылилась мысль, были чрезмерно рѣзки. Въ нѣсколько отдаленномъ но неизбежномъ, будущемъ предстояла перемѣна графомъ мѣста службы.

Въ 1900 году подписная цѣна для частныхъ подписчиковъ была уменьшена, а газета стала выходить всѣ семь дней въ недѣлю по примѣру столичныхъ изданій. Подписка увеличивалась. Содержаніе газеты въ смыслѣ возбуждаемаго ею интереса постепенно прогрессировало. Особенно полно были проведены отчеты о губерн. земскомъ собраніи. Здѣсь можно поставить точку: въ началѣ апрѣля я уѣхалъ на два мѣсяца изъ Вологды, а возвратившись, не засталъ уже здѣсь графа...

Принявъ во временное управленіе губернію А. П. Лаппа приказалъ «сократить» «Вѣдомости» во избѣжаніе ожидаемаго типографскаго перехода Газета измѣнилась до неузнаваемости. Корреспонденціи, городская хроника, оригинальныя статьи—были совершенно «изъяты изъ обращенія въ публикѣ», ихъ замѣнили сплошь—сначала вырѣзки, затѣмъ одѣ телеграммы и объявленія.

По пріѣздѣ въ Вологду я отправился къ А. П. Лаппѣ, былъ принятъ очень любезно, но съ первыхъ же словъ стало ясно, что о продолженіи «Вѣдомостей» въ прежнемъ ихъ видѣ не можетъ быть и рѣчи.

Тономъ триумфатора А. П. заявилъ, что «онъ не позволитъ раззорять губернскую типографію».

— «Да, подумайте сами, убѣждалъ А. П., имѣетъ-ли свой резонъ такая «казенная» гласность? Кто съ ней станетъ серьезно

считаться? «Ого! подумалъ я. Въ воздухѣ запахло едва не либерализмомъ. Чего доброго: пожалуй, и субсидируемыхъ печатныхъ паразитовъ порицать станетъ!» «Но позвольте вѣдь мы-же имѣемъ обязательства по отношенію къ подписчикамъ. Вѣдь, знай, они, что газету такъ окарнаютъ...» — «О какихъ подписчикахъ вы тутъ говорите?—раздраженно перебилъ А. П., вѣдь «Вѣдомости» прежде всего казенное изданіе, слышите: ка-зенное. И разъ я вижу явный убытокъ... трату суммъ, какое мнѣ дѣло до вашихъ обѣщаній... Деньги казенныя». Разговоръ оборвался.

«Какой, однако, законникъ!»—подумалъ я. Тутъ мнѣ пришли въ голову разныя мысли: веселыя и невеселыя. Но не стану утруждать ими вниманіе читателя. «А скажите пожалуйста, А. П., за что вы запретили мою передовицу о Миланѣ?»—обратился я съ вопросомъ, давно меня мучившимъ — «За что?»—опять загремѣлъ генералъ. За ея тонъ! именно за тонъ. Вы не забывайте, что это былъ король, а не... «—Виновать. да хоть-бы императоръ! Вѣдь важно, что личность стала при жизни исторической, вѣдь самъ государь Александръ III зналъ цѣну этому Милану и не пускалъ его къ себѣ на глаза!» Но А. П. повторялъ свое: «Важна не личность, а принципъ! принципъ! «Но вѣдь если такъ, лепеталъ я, третій классъ гимназій... Коммодъ и Калигула». «И нельзя, нельзя!»—сердито и, очевидно,

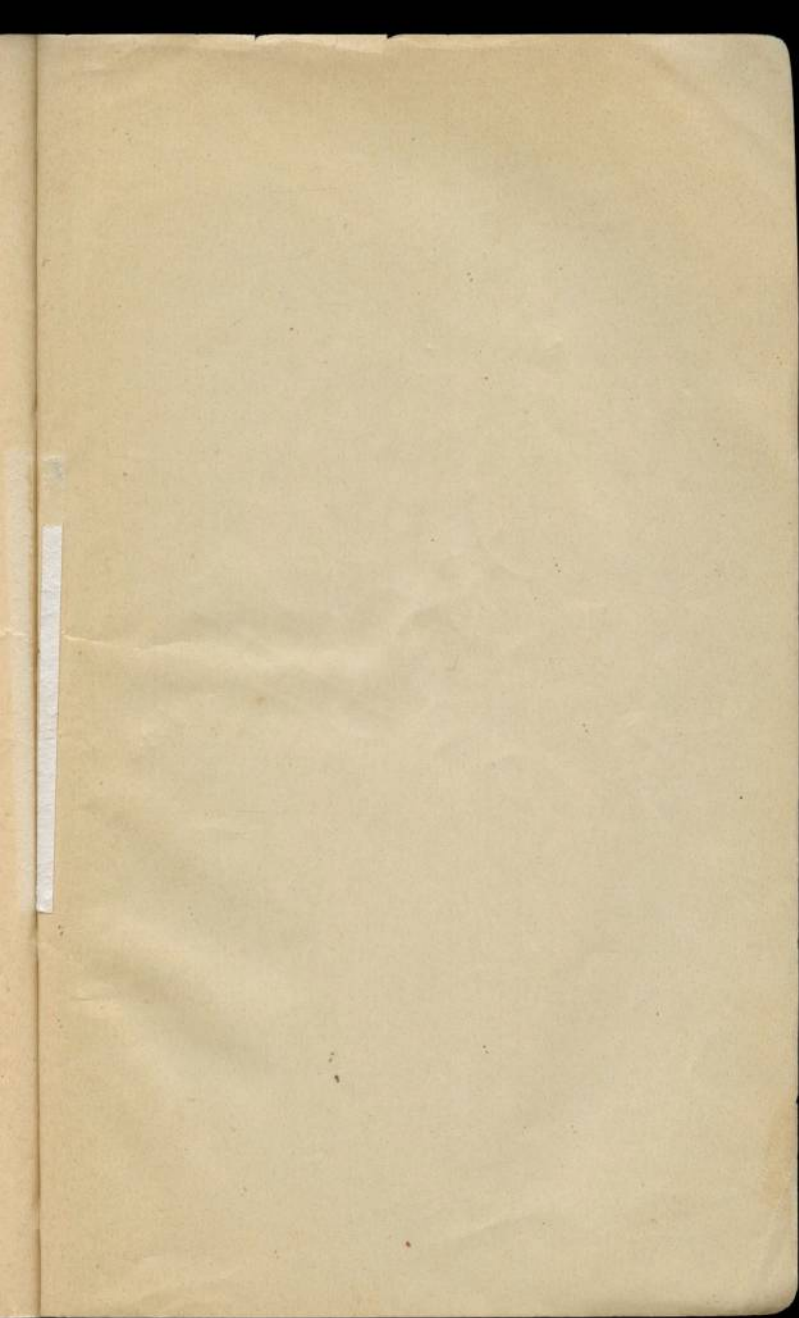
не слышавъ, что я сказалъ, проговорилъ А. П., вставая съ кресла. Ситуація была высоко-комическая.

Такъ кончилась санкціонированная самимъ представителемъ губерніи попытка издавать политическую и литературную полуоффиціальную газету.

Теперь дѣло прошлое,—и. надо сознаться, во многомъ А. П. Лаппа былъ правъ. Какъ вреденъ былъ въ свое время, періодъ т. н. «оффиціальной народности», блестяще обрисованный покойнымъ академикомъ А. Н. Пыпинымъ, такъ нелѣпы, а въ извѣстныхъ рукахъ—вредны «общественно литературныя, оффиціальныя «Вѣдомости». Тутъ не идутъ въ счетъ солидныя политическія газеты, вдохновляемыя центральнымъ правительствомъ; эти газеты отчасти даже необходимы для показанія «видовъ и настроенія». И читаетъ ихъ почти исключительно интеллигенція. Она сумѣетъ отдѣлать добытые оффиціозами факты, отъ ихъ освѣщенія и соотвѣтственнаго «назиданія». Другое дѣло «Вѣдомости», по закону получаемыя въ каждомъ волостномъ правленіи. Ихъ станеть читать, и при гр. Мусинѣ-Пушкинѣ читалъ, крестьянинъ. Значить, дѣло надо вести съ особливотщательно вымытыми руками. Но, довольно, объ этомъ.. а то какъ-бы не использовали этой идеи присяжные ревнители народнаго просвѣщенія.

THE
[Faint, illegible text follows, appearing to be a list or index of names and titles, possibly related to a historical or literary work. The text is too faded to transcribe accurately.]

177

56

п. 53 г.

Книжный памятник

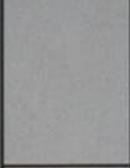
Рег. № 40046

ВОУНБ

1

LICENSED PRODUCT

Black

ЦѢНА 30 КОП.